АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ГЕРОИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ РУССКОГО НАРОДА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ОБОРОННАЯ СЕРИЯ

А-Г
6167

EB_1941_AKS_94

ГЕРОИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ РУССКОГО НАРОДА

В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва • 1941 • Ленинград

Двадцать второго июня 1941 года в четыре часа утра «без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города...»

Выступая по радио с речью об этом неслыханном нападении на нашу страну, об этом беспримерном в истории цивилизованных народов вероломстве, Заместитель Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народный Комиссар Иностранных Дел товарищ В. М. Молотов сказал: «Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В свое время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной, и Наполеон потерпел поражение, пришел к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за родину, за честь, за свободу». [1]

Наша страна на протяжении своей более чем тысячелетней истории росла и крепла в беспрерывной борьбе за свое существование и всегда выходила из всех испытаний с достоинством и честью. Наш народ всегда умел постоять за свою родину, за свою самобытную культуру. Славное боевое прошлое нашего народа запечатлелось в памяти многих поколений, отразилось в устном народном творчестве и в художественной литературе.

В дни Отечественной войны Советского Союза против фашистских захватчиков с новой силой возрождаются героические традиции великого русского народа.

---

[1] «Правда» от 23 июня 1941 г.

Сборник «Героическое прошлое русского народа в художественной литературе», составленный научными работниками Института литературы Академии Наук СССР, предназначен для массового читателя. Составители сборника поставили себе задачей вкратце рассказать о том, как боролись наши предки за свою отчизну и как отразилось героическое прошлое русского народа в художественной литературе.

КИЕВСКАЯ РУСЬ В БОРЬБЕ С КОЧЕВНИКАМИ

Начиная с самого своего возникновения, на рубеже X—XI вв., молодому русскому государству приходилось вести постоянную и напряженную борьбу с врагами: печенеги и половцы, позднее татары и литовцы совершали опустошительные набеги на Русь, уводили в рабство население, сжигали дотла и разоряли города. Для борьбы с ними из народной среды выходили герои-богатыри — защитники родины, готовые отдать «за землю русскую» свою кровь и самую жизнь. О борьбе с врагами и о своих героях народ слагал множество песен и рассказов. Эти песни и рассказы хранились в народной памяти и доносили до потомков воспоминания о «делах давно минувших дней», «преданья старины глубокой».

Один из важнейших видов русского народного творчества — былины, или песни о богатырях (народ их называет ста́ринами, старинушками). Во многих былинах речь идет о киевском князе Владимире и его «сильномогучих богатырях». На первом месте — излюбленный народный герой, «крестьянский сын» Илья Муромец. Он считается старшим среди богатырей и на богатырской заставе под Киевом является атаманом. Его помощник на заставе — Добрыня Никитич, «княжецкий сын». Третий богатырь на заставе — есаул Алеша Попович — сын попа ростовского Леонтия.

Стоят богатыри на заставе и зорко охраняют Русскую землю, не пропуская ни одного «нахвальщика», а если он появится, то богатыри вступают с ним в бой. Одна из былин рассказывает, как Илья Муромец, вступивший в бой с чужеземным богатырем и победивший этого богатыря, узнал в нем своего собственного сына, родившегося от случайной связи Ильи с бабой Латыгоркой. Илья радостно приветствует сына и отпускает его на волю. Но сын оказался коварным предателем: он нападает на спящего Илью и хочет поразить его насмерть; только случайность спасает Илью, и он, проснувшись, убивает сына-предателя. Коварство, предательство глубоко ненавистны этому лучшему герою русского народа.

В других былинах изображается чужеземный насильник — Тугарин Змеевич или Идолище Поганое, — захвативший город Киев и издевающийся над князем киевским Владимиром. Он спрашивает у переодетого странником Ильи Муромца, велик ли и силен ли Илья, и узнав, что Илья похож на обыкновенного человека, пренебрежительно отзывается о нем и говорит, что положит Илью на ладонь, а другой прихлопнет, так только мокренько останется. Сам он, Идолище, громадного роста, голова у него с пивной котел, глаза будто большие чаши, рот — словно громадная лохань, между плеч — косая сажень, руки — как грабли, ноги — как вилы; ест он за один присест по семи пудов хлеба, пьет по семи ведер пива. Илья насмешливо замечает в ответ на похвальбу Идолища, что у отца Ильи Муромца была корова обжорлива: «она много пила-ела, скоро лопнула; как бы и с тобой, Идолищем, того же не случилося». Идолище в гневе бросает в безоружного Илью «чинжалище булатное». Илья слегка отклоняется, и кинжал пролетает мимо головы его. Не имея другого оружия, Илья хватает с головы «шляпу земли греческой»:

Ляпнул он в Идолище Поганое
И рассек он Идолище на́ полы [пополам],
Тут ему, Идолищу, и смерть случилася...

Так же расправляется и Алеша Попович с Тугариным Змеевичем.

Былины изображают нашествие вражеских полчищ на Киев. Сила врагов рисуется несметной, ей нет ни числа, ни конца, ни края:

Он ведь набрал силы много множество:
Впереди его на сорок тысячей,
По правой его руки за сорок тысячей,
По левой руки за сорок тысячей,
Позади его да числу-сметы нет...

В одной из былин певец восклицает:

Зачем мать сыра земля не погнется,
Зачем не расступится?
А от пару было от конинаго
А и месяц, солнце померкнуло,
Не видать луча света белого;
А от духу татарскаго
Не можно крещеным нам живым быть...

Враги шлют в Киев грозного посла, требуют сдачи города без боя, требуют большой дани, угрожая в противном случае сжечь-спалить весь город, перебить мужчин и забрать в плен

женщин и детей. Нередко говорится о том, как князь приходит в ужас, как думает он сдать Киев «без бою, без драки, без кровопролития». Но вступается за Русскую землю Илья Муромец (иногда приглашающий с собой и других богатырей) и по-своему расправляется с врагами.

Богатыри в былинах — не захватчики, не насильники, а защитники родины. Они не кровожадны, но они беспощадны по отношению ко всем предателям и врагам коварным и лукавым, стремящимся вредить исподтишка.

Так, в героических образах былин отразилась подлинная историческая борьба русского народа с его древнейшими врагами — кочевниками.

Позднейшая борьба с другими врагами, например с поляками, также оставила свои следы в былинах и в особенности в исторических песнях и в исторических преданиях. Так, в былинах упоминается иногда король Ляховинский, т. е. польский, с войском которого расправляется Добрыня Никитич. Известна историческая песня, в которой изображается неудачная осада Пскова шведским королем Стефаном Баторием.

Возникновение письменности в древней Руси не только приобщило славянские племена к Византийской, а значит и мировой культуре, но и создало условия для зарождения своей самобытной письменной литературы. В первой половине XI в. в Киеве уже велась летопись: запись исторических событий по годам. В летописи иногда встречались полностью законченные литературные произведения, сказания, исторические документы.

Главная идея древнейшей «Начально-русской летописи» — объединение всех русских сил под водительством великого князя киевского для борьбы с многочисленными врагами. Летописец приветствует каждый успех, достигнутый соединенными усилиями всей Русской земли.

Запись под 1111 г. с торжеством повествует о великой победе Владимира Мономаха над половцами. Этот умный и деятельный князь сумел соединить войска многих князей и нанес половцам страшное поражение в их же стане. Слава о победе Мономаха «пошла, — как говорит летопись, — к грекам и уграм (венграм), и ляхам, и чехам, и до Рима».

Та же идея о единстве земли Русской в борьбе против иноземных захватчиков и поработителей пронизывает величайший памятник древнерусской литературы «Слово о полку Игореве», написанный неизвестным автором в 1185—1187 гг. В «Слове о полку Игореве» рассказывается о походе северских князей под главенством Игоря Святославича против половцев. Идею «Слова» четко вскрыл Карл Маркс в своем письме к Энгельсу в 1856 г.: «Смысл поэмы — призыв русских князей к единению как раз перед нашествием монголов».

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ

О мужественной обороне Русского государства в середине XIII в. от его врагов с Запада рассказывается в древнем сказании «О житии и храбрости великого князя Александра». В этом сказании запечатлелись подвиги великого князя владимирского Александра Ярославича, прозванного Невским.

В ту пору от зарубежных нападений особенно страдала Новгородско-Псковская земля. Великий князь Александр Ярославич избрал для своего пребывания именно эту область, чтобы укрепить ее и защитить от иноземных вторжений. В 1240 г. он отбил у устья Невы нападение смешанных войск враждебных соседей; но, несмотря на силу отпора, неприятельские вторжения не прекращались, в особенности со стороны ливонских немцев, которые даже добивались возможности управлять Псковом через своих наместников.

Великий князь Александр не мог стерпеть хозяйничанья врага на родной земле, и вот в 1242 г. двинулся с братом своим Андреем, с новгородцами и владимиро-суздальскими полками, с силой великой, против немцев. Он занял все пути на Псков, очистил его от немцев и чуди и опустошил прилегающие земли неприятелей. Тогда выступили немецкие рыцари Ливонского ордена во главе с его магистром и двинулись в направлении к Чудскому озеру, где и сошлись с русскими войсками.

Александр Ярославич поставил свои полки на самом льду озера, где оно было всего уже («на Узмени»). В войске Александра было множество храбрых, сильных и крепких воинов. Полные воинственного духа, говорили они Александру: «Вождь наш честный и дорогой! пришло нам время пожертвовать жизнью за родину и за тебя!» На восходе солнца сшиблись оба войска. Немцы врезались клином в полки Александра. Русские называли этот строй «свиньей». Рыцари строились треугольником, направленным в центр противника. На вершине этого треугольника находились лучшие тяжело вооруженные рыцари. По бокам располагались всадники, а вну-

три треугольника — вооруженные мечами и копьями ратники. Александр знал силу такого построения, но догадался построить свое войско в виде римской цифры V, сосредоточив лучшие силы на флангах. Сеча завязалась. Немцы вскоре были зажаты в клещи и окружены. Тучи стрел поражали рыцарей. Новгородцы крючьями стаскивали всадников с коней, били их рогатинами и дубинами. Немцев ждала гибель. Треск ломающихся копий и стук от ударов мечей были столь сильны, что само озеро пришло в движение, и льду не было видно, так он покрылся кровью.

Русские, вдохновленные любовью к родине, для которой не щадили своей жизни, нанесли врагу полное поражение. Враги обратились в бегство, но спастись было некуда, и били их на льду, и гнали целые 7 верст до берега. Немецких рыцарей пало 500 (многие утонули), а чуди погибло несчетное множество. Пятьдесят главных воевод немецких были взяты в плен и приведены в Новгород. Бой этот случился 5 апреля, в этот день прославился Александр Ярославич. Немцы хвастались, говоря, что возьмут Александра руками, а сами попали ему в руки, и не нашелся для него равный соперник ни в какой брани. Победоносно возвращались полки Александра, с большим полоном, причем рыцарей вели около коней. Весь Псков вышел победителям навстречу, приветствовали и пели им похвальные песни. И прославилось имя великого князя Александра по всем странам от моря Варяжского (Балтийского) до моря Понетьского (Черного), до гор Араратских и Аравийских, и до Рима.

Так изображает героический подвиг Александра Невского древнее его жизнеописание, предостерегая будущие поколения от забвения этого героя, как от глубочайшей непростительной неблагодарности. И действительно, память об Александре и его победоносных полках не только не стерлась на страницах нашей истории, но всякий раз, как родина подвергалась вражескому нашествию, повесть об Александре Невском снова звучала в рассказах о новых этапах борьбы русского народа. Так было 138 лет спустя, во время Куликовской битвы, так повторилось еще 200 лет позже, во время безуспешной осады Пскова венгерским выходцем, попавшим на польский престол, Стефаном Баторием, когда опять с благодарностью вспомнили о победе над немцами «великого князя Александра Невского, оборонявшего великий город Псков на великом Невском озере».

Карл Маркс назвал разгромленных рыцарей Ливонского ордена «псами-рыцарями» и отметил, что после победы Александра Невского эти «прохвосты были окончательно отброшены от русской границы». Так же будут отброшены потомки «прохвостов» нынешние «псы-рыцари» — немецкие фашисты, посягнувшие на священные рубежи Советской земли.

ГРЮНВАЛЬДСКАЯ БИТВА

Хищническое продвижение «рыцарей» на восток Европы было заклеймено многими писателями не только России, но и родственных нам по крови других славянских народов. О том, как встречали немецких завоевателей мужественные славяне XII в., населявшие тогда Прибалтику, ярко рассказано в стихотворении А. К. Толстого «Боривой». Боривой, — доблестный предводитель славянского воинства, с чубом, «в чешуйчатой рубахе», даже своей внешностью резко отличающийся от нарядных, блестящих рыцарей, — встречает их грозным предупреждением:

«Я вернулся из Арконы,
Где поля от крови рдеют,
Но немецкие знамена
Под стенами уж не веют».

Завоеватели напрягают все силы для того, чтобы сломить сопротивление славян:

Но напрасны их усилья:
От ударов тяжкой стали
Позолоченные крылья
С шлема Свена уж упали;

Пронзена в жестоком споре
Кнута крепкая кольчуга,
И бросается он в море
С опрокинутого струга;

А епископ Эрик, в схватке,
Под собой погибель чуя,
Перепрыгнул без оглядки
Из своей ладьи в чужую...

Завоевательные попытки немецких захватчиков не увенчались успехом:

В этот день морские чуда
Нажрались их трупов сыто,

И ладей, в своем просторе,
Опрокинутых, немало
Почервоневшее море
Вверх полозьями качало.

Куда девалась былая храбрость немцев?

Генрих-Лев, идущий смело
На Волынь к потехе ратной,
Услыхав про это дело,
В Брунзовик пошел обратно.

Не более радушную встречу приготовляли немцам и жители Литвы, — об их борьбе с немецкими хищниками повествует написанная в 20-х годах XIX в. поэма великого польского поэта Адама Мицкевича «Конрад Валенрод».

Основная ее тема — борьба за национальную свободу и независимость. В поэме рассказывается о столкновениях литовцев в XIII в. с немецкими рыцарями:

...Уж стали под Неманом немцы,
Рушат мосты, окружают отрядами Ковно.
Целый день от таранов грохочут и падают стены,
. . . . . .
И под небом взвивается бомба огнистым полетом.
. . . . . .
Кейдан — в развалинах. В диких горах и дубравах
Скрылась Литва. Немцы дальше несут грабежи и пожары.

Так рисовал Мицкевич «цивилизаторский» поход немцев по лесам и долинам Литвы. Но герой поэмы, — самоотверженный литовский воин, Конрад, — пускает в ход самые изощренные средства для того, чтобы нанести смертельный удар коварному врагу. Он пробирается в Ливонский орден, завоевывает доверие рыцарей, избирается гросмейстером, а сам тайно содействует успехам своей родной Литвы. И вот — результат его деятельности:

«Слушайте итоги моего правленья:
Тысячами немцы погибали в поле.
Города — во прахе и в огне — селенья!
Слышите, как вьюга тучи снега гонит.
Ваших войск остатки песнь ее хоронит!
. . . . . .
То — моя работа! Гордый, непреклонный,
Обезглавил гидру я единым взмахом...»

Гидру надо обезглавить, не жалея для этого ни сил, ни самой жизни, — вот что хотел выразить устами своего героя великий польский поэт.

В начале XV в. немецкие рыцари Тевтонского ордена угрожали Литовскому княжеству, во главе которого стоял князь Витовт, и Польскому королевству, которым правил литовец Ягайло. 15 июля 1410 г. у местечка Грюнвальд, недалеко от Танненберга, войска Ягайлы и Витовта сошлись с войсками рыцарей. В распоряжении Витовта были русские полки — смоленский, полоцкий, витебский, киевский и др. У рыцарей было 135 тысяч войска против 50 тысяч литовцев, поляков и русских. Сначала поляки и литовцы дрогнули и бросились в бегство, но смоленские полки, предводительствуемые Юрием Лугвиниевичем, задержали рыцарей, а затем прогнали их. Поляки и литовцы воспользовались этим, вернулись на поле битвы и окончательно разгромили тевтонов, взяв в плен 15 тысяч. При Грюнвальде погиб и сам «великий магистр» ордена Ульрих фон-Юнгинген.

К славной совместной борьбе литовцев, поляков и русских с немецкими захватчиками в знаменитой Грюнвальдской битве обратился впоследствии замечательный польский писатель, Генрих Сенкевич, в своем романе «Крестоносцы».

Как своевременно звучат сейчас многие страницы этого произведения!

«Пять лет тому назад, — рассказывает один из персонажей романа, — был мир, о войне никто не думал и все жили спокойно... Вдруг, без всякой причины, даже без объявления войны, напали на нас изменники немцы...»

Нравы «изменников немцев», т. е. правящей клики, кощунственно выступающей от имени немецкого народа, не переменились за несколько веков: эти бандиты и сейчас нападают «без объявления войны» с целью удовлетворения своих ненасытных хищнических аппетитов. Но и другая сторона «Крестоносцев» Сенкевича сохранила для нас свое значение: на ряду со зверствами немецких поработителей, писатель показывает лютую ненависть к ним, накопившуюся в сердцах покоряемых ими народов и приводящую к кровавой расплате.

«Много меду в земле Добжиньской, — говорит в романе Сенкевича придворный шут прямо в лицо немецкому „крестоносцу", пользуясь традиционной свободой шутов, — поэтому ею и завладели трутни».

«...Можно их и выкурить!» — дает реплику польский воин, Зындрам из Мошкова.

Слово «выкурить» радостно подхватывается присутствующими поляками:

«— Чем?

— Порохом! . .»

И Сенкевич показывает, как русские, поляки и литовцы порохом «выкуривают» наглых захватчиков из родных земель, он рисует замечательную картину битвы при Грюнвальде, волнующую, во всех деталях, до сих пор: «немцы вообразили, ...что страх и замешательство овладеют поляками, что наступает минута их поражения, избиения и резни... Но их ожидало кровавое разочарование.

«Правда, польские войска, как один человек, завопили с отчаянием при виде опустившегося стяга, но в этом вопле и в этом отчаянии таился не страх, а бешенство. Можно было подумать, что живой огонь снизошел на панцыри... никто из немцев не вышел живым из этого урагана, и вскоре отнятый стяг снова стал развеваться над польскими войсками.

«...Всё войско приветствовало его радостным криком и с такой... отвагой ударило на немцев, что, казалось, сил и воинов прибавило вдвое. А немцы, убиваемые без милосердия, без отдыха,... теснимые со всех сторон, падающие под неумолимыми ударами мечей, секир, топоров... снова пошатнулись и стали отступать».

Сенкевич показывает, что главной силой в этой справедливой народной войне были польские крестьяне, вооруженные «рогатинами, вилами и косами», те, которые перед сражением «принялись плевать на свои большие рабочие ладони».

«И каждый из них вздохнул как сильный дровосек, когда в первый раз замахивается топором... заскрежетали косы по железу, затрещали панцыри под ударами цепов, трупы падали один возле другого, кровь ручьем лилась на утоптанную землю...»

И вот, победители поляки любуются итогом славной «жатвы».

«Неизмеримое счастье озарило лица победителей, потому что все понимали, что это был вечер, полагающий конец бедствиям и трудам не только этого дня, но и целых веков».

«Неужели... здесь лежит весь орден?» — спрашивает польский король, глядя на горы трупов.

Следует выразительный ответ: «Пришло время и зубы их сокрушены, и отсечена их десница!»

По словам писателя: «...все силы немецкие, заливавшие до этих пор волною несчастия славянские земли, сокрушились в этот день искупления о польские груди.

«Великое святое прошлое и ты, жертвенная кровь, честь вам и слава во все века!»

«Жертвенная кровь» борцов за благо польского народа недаром пролилась при Грюнвальде, — она будет отомщена польским народом и всеми порабощенными фашизмом нациями, которым наша непреклонная борьба с зарвавшимся Гитлером подает сигнал к освободительным войнам.

ПОЛТАВСКИЙ БОЙ

«Ни одна великая нация никогда не существовала и не могла существовать в таком удаленном от морей положении, в каком находилось первоначально государство Петра Великого», — писал К. Маркс о России конца XVII в. В конце XVII и начале XVIII вв. главной силой, стоявшей на путях между Европой и Россией, была Швеция, занявшая выдающееся положение в Европе и сделавшаяся первоклассной военной державой. Когда на шведский престол вступил молодой Карл XII (это было в самом конце XVII в.), датский король Христиан, саксонский курфюрст Август II, избранный также на польский престол, и Петр I заключили против Швеции наступательный союз: Дания стремилась возвратить себе Голштинию, захваченную шведами в XVI в., Польша — Ливонию, а Петр — Ингрию и Карелию, как выход к морю, к Европе, к просвещению. Так осенью 1700 г. началась война, продолжавшаяся 21 год и получившая впоследствии название Северной.

Эта война, завершившаяся разгромом шведской армии под Полтавой, имела колоссальное значение для России. В самом начале войны союзники потерпели решительные поражения. Оказалось, что юный и легкомысленный Карл XII обладает громадной энергией и выдающимся военным талантом. Первой поплатилась Дания. Совершенно неожиданно, переправившись через Зунд с 15-тысячным войском, молодой шведский король подступил к Копенгагену и принудил Данию заключить мир. Затем, шведская армия была переброшена в Ливонию. Так же неожиданно Карл XII появился под Нарвой, крепостью, осажденной войсками Петра, и 19 ноября 1700 г. захватил всю русскую артиллерию и забрал в плен генералов. Петр признавался, что русские войска принуждены были отступить «в конфузии». Как ни тяжело было Петру узнать о Нарвском поражении, он не пал духом: «Я знаю, — говорил он, — шведы могут еще раз, другой побить нас, но, наконец, и мы научимся их побеждать!»

Началась напряженная деятельность по восстановлению и преобразованию русской армии. Колокола переливались в пушки; вскоре Петр I располагал 300 орудий. Воспользовавшись некоторой передышкой и перенесением в Польшу главных военных действий, Петр начал медленно, но настойчиво «чинить промысел над противником, не вступая с ним в генеральную битву и действуя против него партиями, когда к тому представится удобный случай».

Осенью 1702 г. Петр осадил Нотебург (древний новгородский пригород Орешек), расположенный при истоке р. Невы из Ладожского озера. «Зело жёсток сей орех был, — писал Петр главному надзирателю артиллерии Виниусу, — однакож... счастливо разгрызен. Артиллерия наша зело чудесное дело свое исправила». Нотебург был переименован в Шлиссельбург (Ключ-город). Весной следующего 1703 г. Петр двинулся от истоков Невы к устью и взял находившуюся у моря шведскую крепость Ниеншанц. Здесь 16 мая 1703 г. был основан город Питербурх. «Россия не могла оставить устье Невы, естественный выход для продукции северной России, в руках шведов... Петр в этом направлении, по крайней мере, завладел только тем, что было безусловно необходимо для естественного развития его страны», — писал Маркс.

Затем, военные действия были перенесены в Эстляндию и Лифляндию.

Тем временем дела Августа II приняли дурной оборот. Польша была у него отнята, а он сам бежал в Саксонию. К осени 1706 г. Карл XII добил Августа окончательно, посадил, вместо него, на польский престол Станислава Лещинского, и теперь вся тяжесть войны обрушилась на Россию. Петр деятельно готовился к обороне, укрепляя Дерпт, Псков и Киев, так как неизвестно было, куда двинутся шведы.

После хорошей передышки в Саксонии Карл XII опять вернулся в Польшу, и летом 1708 г. его войска подошли к Днепру у Могилева. Казалось, что отсюда шведы пойдут прямо на Москву, которая уже готовилась к защите. Не было времени тяжелее и страшнее во все царствование Петра.

В 1707 г. Петр получил известия о том, что гетман Иван Мазепа сносится со ставленником Карла XII польским королем Станиславом и собирается изменить Москве. До тех пор Петр был доволен гетманом и не поверил доносу. В 1708 г. донос повторился. На этот раз на Мазепу доносил генеральный судья Кочубей и полковник Искра. Было произведено следствие; донос доказать не удалось, доносчики были выданы Мазепе и казнены им.

На самом же деле Кочубей и Искра были правы: Мазепа готовился предать Украину врагам. Его замысел измены Петру

относится, повидимому, еще к концу 1705 г. Он готов был продать Украину кому угодно — и польской шляхте и шведам.

К 1708 г. изменник окончательно сговорился с Карлом XII и Станиславом Лещинским. Именно поэтому Карл XII раздумал итти на Москву и, овладев переправой через Днепр, двинулся на Украину, где надеялся получить богатые запасы продовольствия и подкрепления от Мазепы.

Карл XII шел налегке. Он приказал генералу Левенгаупту собрать продовольствие в Курляндии и Лифляндии, взять огромное количество присланных из Швеции боевых припасов и затем итти к нему на соединение. Петр I не дал Левенгаупту догнать Карла. 28 сентября 1708 г. русские напали на корпус Левенгаупта при деревне Лесной, положили на месте более половины шведов и отняли обоз в 5000 повозок. «Сия у нас победа, — говорил Петр, — может первая назваться; понеже над регулярным войском никогда такой не было, к тому же еще гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем; тут первая проба солдатская была». Победа при Лесной была, по выражению Петра, «матерью Полтавской победы».

Действительно, шведы оказались в очень трудном положении. Почти весь порох достался русским. Население Украины смотрело на шведов как на врагов и очень неохотно давало им продовольствие. Когда же Мазепе пришло время открыто соединиться с Карлом XII, русский полководец Меншиков узнал про эту измену и едва не схватил гетмана. Мазепа убежал к Карлу лишь с небольшим отрядом казаков, уведенных обманом, а русские войска штурмом взяли гетманскую столицу Батурин. Карл и Мазепа, окруженные русскими, вынуждены были зазимовать между Ромнами и Гадячем без припасов и подкреплений.

Зима выдалась суровая. Птицы замерзали на лету. Войска обеих сторон терпели лишения. Особенно страдали от холода шведы: их одежда и обувь пришли в совершенную негодность, а достать новую было негде. Русские, пользуясь поддержкой местного населения, постоянно тревожили врагов, не давая им отдыха и затрудняя добывание припасов.

Наступила весна. Карл XII, зашедший вглубь неприятельской страны, видел опасность своего положения. Обстоятельства сложились так, что он вынужден был осадить Полтаву. Осада шла медленно, малочисленный гарнизон за зиму укрепил город и держался стойко, ослабляя шведов частыми вылазками.

Когда Меншиков получил известия о том, что Полтава осаждена и героический гарнизон терпит жестокие лишения, он двинулся на выручку по левому берегу Ворсклы. Но болотистая местность остановила его движение, и в город удалось ввести только 900 человек. Не удались также и попытки Меншиков

кова отвлечь шведов от осады Полтавы, несмотря на то, что к его отряду 26 мая присоединились еще войска Шереметева.

4 июня 1709 г. к русской армии из Воронежа прибыл Петр I. Было решено во что бы то ни стало освободить полтавский гарнизон.

21 июня Карл XII, чтобы предупредить действия Петра, еще раз попытался овладеть Полтавой. В этот день были отбиты две атаки шведов. На рассвете 22 июня к городу опять со всех сторон двинулись шведы. Первый натиск был настолько стремителен, что во многих местах они взошли на крепостной вал и развернули свои знамена. Но и на этот раз шведы были отбиты с большим уроном.

Штурм продолжался с рассвета до 2 часов ночи. Через полчаса начался последний, самый яростный штурм, последняя попытка Карла сломить усилия бесконечно утомленного полтавского гарнизона. Женщины, старики, дети бились на валу наравне с солдатами. Косы, топоры, камни, колья — всё служило оружием для защитников города. К 4 часам шведы были отбиты, а 25 июня русская армия подошла к Полтаве.

Шведы и русские готовились к решительному бою. Карл XII, незадолго до того раненый в ногу, показался перед войсками в носилках. «Вы не должны брать с собою хлеба, — говорил он своим солдатам. — Вы будете со мной обедать в Московском обозе, в котором всего много запасено для вас».

Оставив в траншеях небольшую часть войск и почти всю артиллерию, Карл XII вывел 23-тысячную армию на северную сторону Полтавы, и в 2 часа утра 27 июня 1709 г. двинул ее против русских. Пехота атаковала воздвигнутые за несколько дней и даже недостроенные редуты, а кавалерия, проскакав между редутами, бросилась на русскую конницу. Казалось, удача была на стороне шведов. Увлеченная первоначальным успехом, левая колонна шведов двинулась вперед мимо укрепленного русского лагеря, но попала под сильный картечный огонь и в беспорядке была отброшена к лесу. Правая колонна шведов продолжала атаку редутов, но вскоре оказалась отрезанной, когда остальная армия отступила. Петр заметил это и двинул против правой колонны пять батальонов пехоты и пять полков конницы под начальством Меншикова. Таким образом и эта колонна была опрокинута.

Теперь Петр мог распоряжаться боем. Пушкин так описал в своей поэме «Полтава» этот героический бой молодой Петровской России с захватчиком Карлом XII и его союзниками:

Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый

Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули.
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядра, свищут пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы,
Сквозь огнь окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжкой твердостью своею
Ее стремления крепит.
И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там;
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины;
Сдается пылкий Шлипенбах.
Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамен,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.

Тогда-то свыше вдохновенный,
Раздался звучный глас Петра:
«За дело, с богом!» Из шатра
Толпой любимцев окруженный
Выходит Петр. Его глаза
Сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он прекрасен, —
Он весь, как божия гроза.
Идет. Ему коня подводят.
Ретив и смирен верный конь.
Почуя роковой огонь,
Дрожит. Глазами косо водит
И мчится в прахе боевом,
Гордясь могущим седоком.

Уж близок полдень. Жар пылает,
Как пахарь, битва отдыхает.
Кой-где гарцуют казаки.
Равняясь строятся полки.
Молчит музыка боевая.
На холмах пушки присмирев
Прервали свой голодный рев.

И се — равнину оглашая
Далече грянуло *ура:*
Полки увидели Петра.

И он промчался пред полками,
Могущ и радостен как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова —
В пременах жребия земного,
В трудах державства и войны
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин.

И перед синими рядами
Своих воинственных дружин,
Несомый верными слугами,
В качалке, бледен, недвижим,
Страдая раной, Карл явился.
Вожди героя шли за ним.
Он в думу тихо погрузился.
Смущенный взор изобразил
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводил
Желанный бой в недоуменье...
Вдруг слабым манием руки
На русских двинул он полки.

И с ними царские дружины
Сошлись в дыму среди равнины:
И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся с плеча.
Бросая груды тел на груду,
Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский — колет, рубит, режет,
Бой барабанный, клики, скрежет,

Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.

К 11 часам утра армия шведов представляла уже беспорядочно бегущую толпу. Карл XII уцелел случайно: его носилки были разбиты ядром, конвой короля перебит. Впрочем, не меньшей опасности подвергался и Петр: его шляпа была прострелена, другая пуля попала в крест на груди, третья — в седло.

Победа русских была полная. Карла XII, лишившегося чувств, едва успели увезти с поля сражения. Шведы потеряли свыше 9000 убитыми и 2700 пленными. У них было взято 137 знамен, весь обоз и казна. Русские потеряли значительно меньше: 1300 убитых и 3200 раненых.

Остатки шведской армии отступали в совершенном беспорядке вниз по Ворскле. Меншиков преследовал шведов и принудил их сдаться. Карл XII бежал к туркам. С великими лишениями достиг он Бендер, где очаковский паша дал ему приют. Вместе с Карлом бежал и Мазепа.

Полтавской битвой не окончилась война со шведами. Пребывание Карла в Бендерах осложнило отношения Турции с Россией и послужило поводом для начала новой войны с турками. Но Полтавская битва была решающей во всей этой борьбе. После победы молодого русского флота над шведами на Балтийском море у мыса Гангут в 1714 г. перевес явно оказался на стороне России. Наконец в 1721 г. война окончилась победным для России Ништадским миром. Россия вернула себе русские города Ям, Копорье, Орешек, а также Карелию и, сверх того, получила Балтийское побережье с Ригой, Ревелем и другими гаванями.

Значение Полтавского боя хорошо определил В. Г. Белинский: «Полтавская битва была не простое сражение, замечательное по огромности военных сил, по упорству сражающихся и количеству пролитой крови: нет, это была битва за существование целого народа, за будущность целого государства, это была поверка действительности замыслов столь великих, что, вероятно, они самому Петру в горькие минуты неудач и разочарования казались несбыточными, как и почти всем его подданным».

Полтавская победа ввела Россию в круг европейских государств, усилила ее военную мощь, открыла Петру возможности культурно преобразовать страну. Пушкин писал: «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, — при стуке топора и при громе пушек. Но войны, предпринятые Петром Великим, были благодетельны и плодотворны. Успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы».

СЕМИЛЕТНЯЯ ВОЙНА

Мысль о владычестве Германии над миром возникла уже давно в правящих кругах Пруссии. Еще когда Германия была раздроблена на мелкие государства, мысль эта уже определяла политическую деятельность прусских королей. Особенно же к возвеличению Пруссии стремился король Фридрих II; он создал сильное и хорошо организованное войско, явившееся впоследствии образцом для новых европейских армий.

Войска Фридриха прослыли непобедимыми, и сам Фридрих пользовался славой великого полководца.

Возвышение Пруссии и явное стремление к господству ее над всеми германскими государствами, а затем и над всеми странами Европы возбудили в соседних государствах беспокойство. Образовался союз, в который вошла и Россия. Фридрих начал военные действия, напал на Саксонию, и в 1757 г. вспыхнула длительная война, известная под названием Семилетней.

Русские войска двинулись в поход и перешли прусскую границу 21 июля 1757 г. Первое серьезное сражение между русскими и пруссаками произошло около местечка Грос-Егерсдорф, по пути от Вержболова к Кёнигсбергу. Подготовка к войне в русском войске была недостаточна. Войска находились под командованием малоспособных генералов, среди которых было много немцев. Армия не имела боевого опыта. Сражаться приходилось на вражеской земле.

И первое сражение было едва не потеряно. Вот как описывает его участник прусского похода писатель Болотов:

«Пруссаки смяли уже весь наш фрунт совершенно, и в некоторых местах ворвались уж и в самые обозы. Тут сделалось тогда наиужаснейшее смятение и белиберда... Победа неприятеля получена была уже на половину, и если б еще хоть мало-мало, то бы разбиты были мы совсем, к стыду неизреченному...»

Однако картина скоро изменилась. Стоявшие за лесом русские войска пробрались сквозь густую чащу, считавшуюся непроходимой, и напали на пруссаков:

«Приход их был самый благовременнейший. Разбитые полки дрались уже рука на руку, поодиночке, и не поддавались неприятелю до пролития самой последней капли крови. Нельзя быть славнее той храбрости, какую оказывали тогда воины, составляющие раздробленные остатки помянутых полков несчастных. Иной, лишившись руки, держал еще меч в другой и оборонялся от наступающих и рубящих его неприятелей; другой, почти без ноги, весь изранен и весь в крови, прислонясь к дереву, отмахивался еще от врагов, погубить его старающихся, третий как лев рыкал посреди толпы неприятелей, его окруживших, и мечом очищал себе дорогу, не хотя просить пощады и милости, несмотря, что кровь текла у него ручьями по лицу; четвертый отнимал оружие у тех, которые его, обезоружив, в неволю тащили, и собственным их оружием их умертвить старался; пятый, забыв, что был один, метался со штыком в толпу неприятелей, и всех их проколоть помышляя; шестой, не имея пороха и пуль, срывал сумы с мертвых своих недругов и искал у них несчастного свинцу, и их же пулями по их стрелять помышляя. Одним словом, тут оказываемо было всё, что только можно было требовать от храбрых и неустрашимых воинов.

«В самую сию последнюю крайность и показались из лесу помянутые два полка, им на помощь поспешающие. Нельзя изобразить той радости, с какою смотрели сражающиеся на сию помощь, к ним идущую, и с каким восхищением вопияли они к ним, поспешать их побуждая. Тогда переменилось тут всё прежде бывшее. Свежие сии полки не стали долго медлить, но, давши залп и подняв военный вопль, бросились прямо на штыки против неприятелей, и сие решило нашу судьбу и произвело желаемую перемену. Неприятели дрогнули, подались несколько назад, хотели построиться получше, но некогда уже было: наши сели им на шею и не давали им времени ни минуты. Тогда прежняя прусская храбрость обратилась в трусость, и в сем месте, не долго медля, обратились они назад и стали искать спасения в ретираде [отступлении]. Сие устрашило прочие их войска, а ободрило наши. Они начали уже повсюду мало-по-малу колебаться, а у нас начался огонь сильнее прежнего. Одним словом, не прошло четверти часа, как пруссаки во всех местах сперва было порядочно ретироваться начали, но потом, как скоты, без всякого порядка и строя побежали.

«Скоро радость наша была совершенная. Мы увидели весь их фрунт в совершенное бегство обратившийся и закричали все: „Наши взяли! наши взяли!" и били в ладоши.

«Через минуту потом закричали наши командиры: „Ступай! ступай!", и мы все, как стояли, так и бросились. Нельзя

никак изобразить того восхищения, с каким бежали мы в погоню за неприятелем, или паче спешили занимать его место.

«Пруссаки, как ни хвастают в реляциях своих, что они порядочно ретировались, но порядка тут и в завете ни разживалось. Они пропали у нас в один миг из вида, и всё поле было ими усеяно.

«Сим образом кончалась славная наша первая баталия с пруссаками. Победа сия одержана была. . . отменною храбростию наших войск. Мы победили, и победу получили совершенную.

«Что ж принадлежит до пруссаков, то ничего не могло быть смешнее и досаднее того, как они изображали в писаниях своих сие сражение и с каким бесстыдством лгали и выдумывали то, чего никогда не бывало, стараясь тем обмануть весь свет и придать сражению сему вид совсем иной и для них выгоднейший. Бессовестными и бесстыдными выдумками и явною неправдою старались они ослепить глаза свету и прикрыть стыд свой».

Однако командующий русскими войсками Апраксин не воспользовался результатами победы и отвел войска из Пруссии. Он был за это сменен и отдан под суд, а на его место назначен генерал Фермор. Летом 1758 г. русская армия снова вошла в Пруссию, заняла Кёнигсберг, стала приближаться к Берлину и осадила преграждавшую путь крепость Кюстрин. Фридрих выступил против русской армии, и вследствие неспособности Фермора ему удалось после битвы при Цорндорфе снять осаду Кюстрина, но настоящей победы он не одержал. Русская армия, несмотря на потери, сохранила свою боеспособность и стойкость. Фермор был смещен, и на его место назначен Салтыков.

Наступил 1759 г. В этом году состоялось решительное сражение между русскими и прусскими войсками, решившее судьбу похода. Это было сражение при Кунерсдорфе. Болотов писал: «Сражение сие было наидостопамятнейшее для нас во всё продолжение Семилетней сей войны; ибо в сей раз удалось нашим победить совершенно короля прусского и сего славного в свете героя довесть до такой крайности, что он в день сражения сего желал даже себе смерти и был действительно очень близок к оной».

Разгром прусской армии привел к капитуляции Берлина. В октябре 1760 г. Берлин был взят русскими войсками. Исходом войны неизбежно должна была явиться гибель Пруссии. Восточная мощь Фридриха II была сломлена. Его замыслы о завоевании Европы рухнули.

Но смерть царицы Елизаветы всё изменила. На русский престол взошел новый царь Петр III, сын герцога Гольштинского, немец и поклонник Фридриха. Он немедленно заключил

мир с Фридрихом и вернул ему всё, что было завоевано русскими войсками.

Так Пруссия была спасена на краю гибели.

В Прусском походе русская армия показала свою доблесть, стойкость и победоносность. Лучшие войска Европы не устояли против сокрушительных ударов русских воинов, и несомненно, что под этими ударами прусское государство Фридриха II было бы сломлено и надеждам на мировое господство не суждено было бы возродиться.

Только измена находившихся в России у власти немцев, с немцем императором во главе, уничтожила все результаты русских побед.

Память о Прусской войне долго жила в народе. Много песен было сложено про сражения в Пруссии, про осаду и пожар Кюстрина, про изменническую работу немцев-генералов. Долго рассказывали участники Прусского похода о подвигах русского оружия, о наших победах, о взятии Берлина.

И в наши дни память о Прусском походе не умерла. На советских сценах идет пьеса «Ключи Берлина» (Финна и Гуса). Вот заключительные слова офицера, принимающего ключи капитулировавшего Берлина:

«Солдаты! Король прусский посреди мира и тишины изменнически учинил нападение на дружественную нам державу и умыслил отобрать земли ее, а затем покуситься на земли русские. Россия вступилась за союзника, оберегая и себя от вероломных замыслов короля прусского. Ныне сей нарушитель мира наказан. Мы разбили славного полководца Фридриха и входим в Берлин, столицу врага. Ключи Берлина, как память о нашей победе, навек останутся в руках наших. Слава русскому оружию. Слава доблести русских воинов. Пусть помнят враги наши: если русские солдаты прошли путь от Москвы до Берлина, то от Берлина до Москвы никому никогда не пройти».

ПОХОДЫ СУВОРОВА

Семилетняя война воспитала новое поколение русских воинов. Среди них был и гениальный военачальник Суворов.

С Семилетней войны началась его боевая деятельность. Он участвовал в битве при Кунерсдорфе, побывал и в Берлине. Уже в Семилетнюю войну Суворов обратил на себя внимание военными своими способностями.

С именем непобедимого Суворова связана история ряда войн, которые пришлось вести русским. Гений Суворова ни разу ему не изменил. Он всегда и везде побеждал.

Его военные успехи основаны были на глубоком знании боевых свойств русского солдата. Суворов хорошо изучил солдат, пользовался полным их доверием и любовью и сам проявлял всегда большую заботу о них. И там, где доблесть русского солдата соединялась с гениальным руководством Суворова, наша армия не знала поражений.

Совершенной славы Суворов достиг во время Турецкого похода. Тактика Суворова состояла в максимальном и быстрейшем использовании всех средств обороны и нападения. «Глазомер, быстрота, натиск» — вот его лозунг. И его способность к ориентировке, стремительному принятию решения и неуклонному его выполнению преодолевали все трудности.

В мае 1773 г. Суворов направился в армию, в распоряжение Румянцева. Командующий назначил ему место под турецкой крепостью Туртукаем на Дунае для наблюдения за тем, чтобы турки не переправились через реку. Бездействие нестерпимо было Суворову, и он, с ничтожными силами, взял и разорил турецкую крепость. После этого войска были отведены обратно на левый берег Дуная.

Через некоторое время Суворову было поручено взять крепость вторично. И это поручение Суворов выполнил, и Туртукай снова пал. Отныне слава Суворова была упрочена, и его стали направлять только на самые ответственные места.

Особенное значение имело взятие во Вторую турецкую войну

крепости Измаила (декабрь 1790 г.). Это взятие решило в пользу русских судьбу кампании.

Наш современный писатель Л. Раковский так описывает штурм Измаила в своем романе «Генералиссимус Суворов»:

«Все колонны неустрашимо продвигались вперед под градом пуль и картечи, штыками пробивались через то́лпы янычар, карабкались на высокие валы.

«Хуже других приходилось 3-й колонне генерала Мекноба. Ему выпала труднейшая задача — штурмовать Измаил с севера. Валы здесь были выше, чем в других местах крепости, а рвы шире. Лазутчики и разведка сообщали, что на этих валах стоит со своими отборными янычарами сам сераскир, испытанный в боях Айдозли-Мегмет-паша.

«В первые же минуты атаки был ранен командовавший стрелками колонны принц Гессен-Филиппстальский. Генерал Мекноб сам повел войска вперед.

«Мужество русских солдат и офицеров сломило отчаянное сопротивление турок. Большой бастион, наконец, пал, но храбрый Мекноб был ранен.

«Суворов слал то одного, то другого офицера к колоннам, рассылал в разные стороны ординарцев.

«Уже начинало светать, когда от 6-й колонны генерала Кутузова пришло неприятное донесение: турки с особой силой наседали на его колонну и дважды оттесняли бугских егерей до самого края валов. Положение колонны стало критическим, большинство офицеров выбыло из строя. Только сам Михаил Илларионович, как всегда счастливый в бою, и на этот раз еще уцелел, хотя и дрался плечом к плечу с егерями в рукопашном бою.

— Скачи к Кутузову! Передай: назначаю его комендантом Измаила! — приказал Суворов одному из офицеров.

«Офицер не успел еще вернуться назад, как Суворов отчетливо увидал в зрительную трубу: весь этот бесконечный главный вал крепости, общим протяжением в шесть верст, был в руках у русских. Продырявленные пулями, порубленные острыми турецкими саблями, русские знамена развевались на измаильских стенах.

«Враг не устоял и отступил во внутрь города, в лабиринт узеньких, кривых улиц, в которых каждый дом, конечно, станет крепостью. Впереди предстояло еще много дела, много жертв, но главное было ясно: русские войска побеждали.

«Стоять здесь на пригорке, и уже ничего не видеть, что делается там, за этими высокими стенами, Суворов больше не мог.

— Коня! — обернулся он к казакам и с юношеской лег-

костью прыгнул в седло». («Генералиссимус Суворов», глава «Измаил».)

В 1796 г. Суворов был направлен в Италию, где Россия в союзе с Австрией вела войну с французскими войсками. Итальянский поход Суворова является поистине легендарным. О Суворове с восхищением отзывались лучшие стратеги Европы. Искусные переходы, его победы вошли не только в историю. Славный поход Суворова воспет в народных песнях, в народных преданиях. Русские поэты посвящали ему свои оды.

Силы Суворова в военных трудах были подорваны. Вскоре по возвращении в Петербург он умер.

Вот как воспевал Суворова крупнейший русский поэт его времени Державин:

Вихрь полуночный — летит богатырь.
Тьма от чела, с посвиста пыль.
Молньи от взоров бегут впереди,
Дубы грядою лежат позади.
Ступит на горы — горы трещат,
Ляжет на воды — воды кипят,
Граду коснется — град упадет,
Башни рукою за облак кидает;
Дрогнет природа, бледнея пред ним;
Слабые трости щадятся лишь им.
Ты ль — Геркулес наш новый, полночный,
Буре подобный, быстрый и мощный?
Твой ли, Суворов, се образ побед?
Трупы врагов и лавры — твой след.
Кем ты когда бывал побеждаем?
Всё ты всегда везде превозмог.

Образ Суворова привлекал поэтов и при его жизни и после его смерти до наших дней. И теперь про него слагаются поэмы. Вот стихи из современной нам поэмы К. Симонова «Суворов»; в них рисуется итальянский поход:

Молчали, присмирев как дети,
И ждали, что им скажет он.
Казалось, недалеко сдача.
Кругом обрывы, облака...
Ни пуль, ни ядер. Старика
В горах покинула удача,
Войска едва бредут, устав,
Фельдмаршал стар, а горы круты...
Но это всё до той минуты,
Как он явился. Увидав
Его упрямо сжатый рот,

Его херсонский плащ в заплатах,
Его летящую вперед
Походку старого солдата,
И волосы его седые,
И яростные, как гроза,
По-стариковски молодые
Двадцатилетние глаза,
Все поняли: скорей без крова
Старик в чужой земле умрет,
Чем сменит на другое слово
Свое любимое — вперед!

Пьесы о Суворове и ныне идут в наших театрах: «Полководец Суворов» Бахтерева и Разумовского, «Генерал Вперед» Сергея Пелова. О Суворове пишутся романы («Генералиссимус Суворов» Л. Раковского).

Имя Суворова — лозунг победы — звучит призывом к обороне, наступлению и победе и в наши дни. «Суворов жив! Слышишь? Жив! В каждом русском воине, в каждом солдате! И никогда не умрет! .. Слышишь ты? Никогда не умрет!» («Полководец Суворов» Бахтерева и А. Разумовского).

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

24 июня 1812 г. французский император Наполеон I вторгся в Россию. Ленин пишет: «...*после* победы реакции внутри страны, контр-революционная диктатура Наполеона превратила войны со стороны Франции из оборонительных в завоевательные».[1] Сильный, жадный хищник, Наполеон задумал поработить и Россию, надеясь на свой военный гений, на огромный боевой опыт своих генералов, на превосходство технического оснащения своей армии. Он сколотил «великую армию» из французов, немцев, итальянцев, португальцев, поляков, голландцев и пр. Он перебросил через границу 450 тысяч солдат, в то время как в русской армии было не более 180 тысяч. Он рассчитывал при этом на отсталый политический строй, на экономическую слабость страны, на враждебность к помещикам со стороны крепостных крестьян и т. д.

Но Наполеон ошибся, потерпел поражение и пришел к своему краху.

Перед угрозой захватнического, вражеского нашествия оказалась не инертная, вялая, рыхлая, безразличная и безличная масса, как думал Наполеон. Навстречу врагу поднялся народ, единый в своем национальном и государственном сознании, преданный своему отечеству, готовый защищать его до последней капли крови.

Война превратилась в народную войну. Когда произошло Бородинское сражение и потом Москва была занята Наполеоном, народный гнев возрос еще больше. Крестьяне оказывали всякую помощь армии. Они снабжали ее продовольствием. Они вылавливали лазутчиков и шпионов. При приближении французских войск крестьяне жгли постройки, собранное сено и хлеб и уходили в леса. В местностях, занятых французами, крестьяне отказывались продавать продовольствие. Сами французы свиде-

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения. Издание второе. Т. XXI, стр. 190.

тельствовали, что при их вступлении в деревни «и дома и усадьбы были разрушены и опустошены, мебель переломана, провизия расхищена».

Еще в августе, после героической защиты Смоленска, уходя вслед за войсками, жители сами поджигали свои дома. Уже здесь проявилась та форма народной войны, которая стала так опасна для Наполеона в Москве. В столице пожары начались, как только французы вступили в Москву. Позднее Наполеон писал Александру I, что расстрелял в Москве за поджоги 400 человек. Глядя из Кремлевского дворца на пожары, Наполеон говорил: «Какое страшное зрелище! Это они сами поджигают... Какая решимость! Какие люди!»

Прежде на рекрутчину в деревнях смотрели как на величайшую беду; в Отечественную же войну крестьяне, «сделавшись рекрутами, начинают петь и плясать, говоря, что не о чем горевать», — как писала одна помещица. А декабрист И. Д. Якушкин, сам участвовавший в войне, потом вспоминал: «Мне теперь еще помнится слово шедшего около меня солдата: „Ну слава богу, вся Россия в поход пошла!". Между солдатами не было уже бессмысленных орудий, каждый чувствовал, что он призван содействовать в великом деле». Когда началось отступление наполеоновских полчищ из Москвы, необходимо было сбить их на разоренную Смоленскую дорогу. Произошло знаменитое сражение под Малоярославцем. Город в о с е м ь р а з переходил из рук в руки. Наполеон вновь убедился, как высок дух русских войск. Один из его маршалов говорил на военном совете после сражения: «Разве мы не видели вчерашнего поля битвы, разве не заметили, с какой яростью русские рекруты, еле вооруженные, еле одетые, шли там на смерть?»

Ярким проявлением народного патриотизма стала партизанская война.

В партизанской борьбе командование принимали на себя выдающиеся военные деятели: подполковник Денис Давыдов (поэт, друг Пушкина), атаман Платов, офицеры Фигнер, Сеславин. Но замечательно, что сама народная масса выдвигала своих героев, организаторов и командиров. Имена некоторых из них сохранились — и да будут они вечно памятны в истории народной борьбы за родину!

Бежавший из французского плена солдат-драгун Ермолай Четвертаков составил маленький отряд из 47 крестьян. После удачных нападений на французов к нему присоединились из соседней деревни еще 253 партизана, а потом отряд возрос до четырех тысяч человек. Отряд Четвертакова оказал большую помощь действующей армии и защитил от грабежа французов большую округу. Партизан Герасим Курин, из села Павлова близ Богородска Московской губернии, командовал отря-

дом в пять тысяч человек, вооруженных снятым с убитых французов оружием. У Курина было еще 500 всадников, и он обращал в бою французских кавалеристов в бегство. Партизан Ермолай Васильев собрал отряд в 600 человек, вооруженных отнятыми у французов саблями, и успешно боролся против неприятеля. Рядовой пехотного полка Степан Еременко, оставленный в Смоленске раненым, бежал из французского плена и стал во главе партизанского отряда в 300 человек.

Прославилась партизанка старостиха Василиса Кожина, командовавшая отрядом в Смоленской губернии, лично захватывавшая в плен французов.

Наполеон признавал огромную опасность партизанских нападений в тылу армии. По его письмам видно, что действия наших партизан ускорили гибель «великой армии».

Глубоко знаменательно, что в освободительной войне против Наполеона деятельное участие принимало не только русское население, но и другие народы России. Партизанское движение было сильно в Белоруссии. При наборах украинское казачество вместо 4500 человек выставило 18 000. В рядах войск храбро сражались башкирская дивизия, калмыки, татары и другие национальности. Значение народов России в борьбе против иноземцев-захватчиков ярко охарактеризовал знаменитый партизан и поэт Д. В. Давыдов: «Огромна наша мать Россия! Изобилие средств ее дорого стоит многим народам, посягавшим на ее честь и существование. Но не знают они еще всех слоев лавы, покоящихся на дне ее. Один из сих слоев состоит, без сомнения, из воинственных народов, населяющих всю часть империи, лежащую между Днепра, Дона, Кубани, Терека и верховьев Урала, и коих поголовное ополчение может выставить в поле сто, полтораста, двести тысяч природных наездников. Еще Россия не подымалась во весь исполинский рост свой, и горе ее неприятелям, если она когда-нибудь подымется!»

Любимцем армии и народа, сосредоточением всеобщих надежд, подлинным народным героем Отечественной войны стал М. И. Кутузов. Кутузов мудро поддерживал народный характер войны, партизанскую борьбу. Наполеон захватил Смоленск и начал движение на Москву. Вступив в командование, Кутузов продолжал некоторое время тактику отступления, ослаблявшую врага. Но затем, с тою же мудрой проницательностью, решил, что не отдаст Москвы без боя, что генеральное сражение нужно для поднятия духа армии, что необходимо дать исход глубокому возмущению. Любимый ученик Суворова, полководец, обогащенный опытом многих сражений, уже встречавшийся с Наполеоном под Аустерлицом, превосходный организатор, дальновидный тактик, Кутузов дал На-

Наполеону генеральное сражение у Бородина. Исход сражения не был и не мог быть решительным в силу количественного превосходства противника. Но русские войска, одушевленные патриотизмом и доверием к своему вождю, проявили исключительный героизм и нанесли наполеоновской армии тяжелейшие удары. Бородинское сражение стало переломным моментом войны. Русские войска начинают теснить противника. Под Тарутиным Кутузов наносит поражение армии маршала Мюрата, и это ускоряет уход французов из Москвы. А затем Кутузов неуклонно преследует отступающего Наполеона — с выдержкой, хладнокровием и расчетом. Сам Наполеон считал Кутузова своим опаснейшим противником.

Победитель многих стран и народов, «гений войны», как его величали, Наполеон смотрел на завоевание России, как на одну из очередных побед в своем шествии к завоеванию всего мира. Через побежденную Россию он хотел пройти в Индию, чтобы сломить экономическое могущество Англии, главного и последнего своего соперника.

Но случилось то, чего не предвидел прославленный полководец: ему пришлось вскоре бесславно бежать из России с остатками «великой армии», рискуя быть захваченным в плен.

Всего полгода продолжалась та борьба, которая освободила нашу страну от захватчиков, которая решила судьбу империи Наполеона и его самого.

Почему это случилось?

Это случилось только потому, что борьба между армиями переросла в народную войну, что народы России, во главе с русским народом, поднялись на защиту свободы и государственной независимости, проявили величайший патриотизм и героизм и в единодушном порыве низвергли врага.

Русская армия творила чудеса храбрости. Обнаружились и достоинства ее вооружения. В частности, в Бородинском сражении русская артиллерия показала свое превосходство над французской. Отечественная война выдвинула немало талантливых и героических полководцев, среди них особенно прославлены Багратион и Кутузов.

Но для нас теперь очевидно, что их деятельность подкреплялась и вдохновлялась всенародным одушевлением. Чутко угадывая народную волю к победе, смыкаясь с армией и народом в освободительной войне, лучшие наши полководцы становились истинно народными героями.

В Первую отечественную войну не было фронта и тыла. Тогда «вся Россия в поход пошла».

В. И. Ленин писал: «Вся история освободительных войн показывает нам, что если эти войны захватывали широкие

массы, то освобождение наступало быстро».[1] Эти слова всецело подтверждаются отечественной войной 1812 года.

Отечественная война произвела глубочайшее впечатление на современников. О ней всюду говорили, о ней слагались народные песни, о ней печатались статьи и воспоминания в журналах, ей посвящались лубочные картинки и карикатурные листы. Поэты писали об этой войне стихи, драматурги — пьесы. Много дошло до нас тогдашних литературных произведений, по своей художественности достойных «священной памяти двенадцатого года».

В народе, героически защищавшем нашу родину, сложилось тогда много песен и легенд про Отечественную войну.

В одной пьесе говорится о разорении, причиненном французами:

Разорёна путь-дороженька
От Можайска до Москвы.
Еще кто ее ограбил?
Неприятель — вор француз...
Разоривши путь-дорожку,
В свою землю жить пошел,
Ко Парижу подошел...

И в народном певце вскипает негодование к врагу и любовь к Москве:

Не хвались-ка, вор француз,
Своим славным Парижóм!
Как у нас ли во России
Есть получше Парижá!
Есть получше, пославнее, —
Распрекрасная Москва!

В другой песне, посвященной партизану атаману Платову, пелось:

Не ясен сокол летает, казак Платов разъезжает
Он по крутой горе, сам на вороном коне.
Казак Платов наскакал, три словечушка сказал:
Не видать вору французу нашей каменной Москвы!

Песни о Платове были особенно популярны. О нем слагались легендарные рассказы. Так, в одной песне рассказывается, будто Платов, переодевшись купцом, проник к самому Наполеону, и как Наполеон расспрашивал его о Платове. Когда же Платов был узнан, он выскочил из комнаты, вскочил на коня и умчался прочь, заявив в насмешку Наполеону:

---

[1] Сочинения. Издание второе. Т. XXII, стр. 328.

Ах ворона ты, ворона!...
Не умела ты, ворона,
Взять Платова-казака!

О страданиях, пережитых отечеством, в одной солдатской песне говорилось:

Уж ты, матушка моя, Россия,
Много нужды приняла,
Много нужды, много страсти,
Невозможно вспомянуть!

Но эти горестные воспоминания ни в малейшей степени не подавляют бодрости, уверенности в силах русского войска, воли к победе. В уста любимого героя, полководца Кутузова, народная песня вкладывает замечательные слова:

А мы встретим злодея середи пути,
Середи пути, на своей земли.
А мы столики ему поставим — пушки медны,
А мы скатерть ему постелим — вольны пули,
На закусочку поставим — каленых картеч;
Угощать его будут — кононерушки,
Провожать его будут — всё казачушки.

Замечательно, что те же мотивы любви к сожженной Москве, преданности полководцу Кутузову сближают безыменных народных певцов с прославленными поэтами той эпохи.

Одним из первых на события Отечественной войны откликнулся поэт В. А. Жуковский. Он сам вступил в 1812 г. в Московское ополчение и в лагере под Тарутиным написал патриотическое стихотворение «Певец во стане русских воинов», которое его тогда прославило. Лучшая строфа стихотворения посвящена полководцу М. И. Кутузову:

Хвала тебе, наш бодрый вождь,
Герой под сединами!
Как юный ратник, вихрь и дождь
И труд он делит с нами.
О сколь с израненным челом
Пред строем он прекрасен!
И сколь он хладен пред врагом
И сколь врагу ужасен!

Одновременно с Жуковским щедро откликнулся на Отечественную войну знаменитый баснописец И. А. Крылов. В 1812 г. и в ближайшие годы Крылов написал много басен, в иносказательной форме изображавших лица и события Оте-

чественной войны. Таковы басни Крылова: «Обоз», «Щука и кот» и др. Всего ярче и сильнее высказался Крылов в басне «Волк на псарне». Здесь под видом Волка изображен Наполеон, а под видом Ловчего — Кутузов. Превосходно определена основная ошибка Наполеона:

Волк, ночью, думая попасть в овчарню,
Попал на псарню.

Ярко, хотя и сжато, изображена борьба с Волком-Наполеоном:

В минуту псарня стала адом,
Бегут: иной с дубьем,
Иной с ружьем.

Тогдашние читатели легко угадывали, что «иной с ружьем» — это армия, «иной с дубьем» — это партизаны.

Как известно, Наполеон, поняв всю опасность положения своего и своей армии, пытался три раза начинать переговоры с русским правительством о мире. Крылов мастерски, сатирически охарактеризовал эти тщетные попытки, вложив в уста Волка лицемерные, льстивые речи:

Мой волк сидит, прижавшись в угол задом.
Зубами щелкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
Но, видя то, что тут не перед стадом,
И что приходит наконец
Ему расчесться за овец, —
Пустился мой хитрец
В переговоры,
И начал так: «Друзья! к чему весь этот шум?
Я, ваш старинный сват и кум,
Пришел мириться к вам, совсем не ради ссоры;
Забудем прошлое, уставим общий лад!
А я — не только впредь не трону здешних стад,
Но сам за них с другими грызться рад,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что я...»

Восторг читателей вызывал ответ ловчего-Кутузова:

«Послушай-ка, сосед»,
Тут ловчий перервал в ответ:
«Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:

С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой» —
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

Еще глубже, еще длительнее было влияние Отечественной войны на Пушкина. Двенадцатый год застал его в лицее. Вторжение Наполеона, Бородинское сражение, занятие Москвы французами и московские пожары, народная война, бегство Наполеона, поход русских войск за границу и занятие ими Парижа — всё это глубоко волновало тогда еще юного поэта. Товарищ Пушкина по лицею, декабрист И. И. Пущин, вспоминал: «Жизнь наша лицейская сливается с политической эпохой народной жизни русской: приготовлялась гроза 1812 года». В читальной комнате лицея вслух читались и обсуждались русские и иностранные газеты. Отправляясь на войну, мимо лицея проходили войска, лицеисты выбегали их провожать. Воспитывалось уважение к тем, кто шел защищать родину. Юные поэты-лицеисты Пушкин и Кюхельбекер (будущий декабрист) мечтали сами вступить в ряды войск.

Какие чувства переживал юный Пушкин в Двенадцатом году, мы узнаем из его прославленного стихотворения «Воспоминания в Царском Селе», написанного в 1815 г. и прочитанного тогда же на торжественном акте в лицее, в присутствии престарелого поэта Державина. В этом патриотическом стихотворении юный Пушкин говорил о Наполеоне как о тиране и поработителе:

Блеснул кровавый меч в неукротимой длани
Коварством, дерзостью венчанного царя;
Восстал вселенной бич — и вскоре лютой брани
Зарделась грозная заря...
...Вострепещи, тиран! Уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря.

С глубоким уважением упоминает Пушкин «воителя поседелого», Кутузова. А затем отдается горестным воспоминаниям о пожаре Москвы, своего родного города:

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горестей и бед,
И вы их видели, врагов моей отчизны!
И вас багрила кровь и пламень пожирал!

Но поэт не хочет кончить свое произведение этими печальными воспоминаниями. Он полон ликований и национальной гордости: враги, нанесшие древней русской столице такие жестокие удары, теперь сами потерпели поражение

Утешься, мать градов России,
Воззри на гибель пришлеца...
...Взгляни: они бегут, озреться не дерзают...

Пушкин на всю жизнь сохранил память о Двенадцатом годе. В своих произведениях он нередко вспоминает об Отечественной войне. Особенно оживились его воспоминания и размышлениями об историческом и политическом значении этой великой войны — около 1831 г., когда в связи с польским восстанием он написал в 1831 г. три стихотворения: «Клеветникам России», «Перед гробницею святой» и «Бородинская годовщина». В стихотворении «Клеветникам России», негодуя на западноевропейских публицистов, Пушкин возмущенно спрашивал: За что ненавидят они Россию?

За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир,
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?

О Наполеоне и его разноплеменных войсках, шедших на порабощение России, Пушкин вспоминает в «Бородинской годовщине» того же 1831 года:

Великий день Бородина
Мы, братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бедой России угрожая,
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!..
Но стали ж мы пятою твердой,
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор...».

В июне 1831 г., когда русские войска временно терпели неудачи в борьбе с польскими, когда вопрос о военном вмешательстве Франции в борьбу Польши и России ставился во французской печати, Пушкину вспоминался Кутузов, герой борьбы с Наполеоном. В стихотворении «Перед гробницею святой» Пушкин, обращаясь к памяти Кутузова, пишет: его гроб

...нам твердит о той године,
Когда народной веры глас

Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал — и спас.

Другого вождя Отечественной войны, Барклая де-Толли, Пушкин тепло вспоминал в стихотворении 1835 г. «Полководец».

Возвращаясь к 1831 г., следует сказать, что в этом году Пушкин писал прозаическое произведение, роман «Рославлев», где хотел изобразить эпоху Отечественной войны.

За год до того в повести «Метель» Пушкин коснулся эпохи Отечественной войны. Там он писал: «Время незабвенное! Время славы и восторга! Как сильно билось русское сердце при слове отечество!»

Тогда же, в 1830 г., он охарактеризовал войну 1812 г. в строфах десятой главы «Евгения Онегина», описывая в них «грозу двенадцатого года», в которую спасение России дало «остервенение народа».

В «Рославлеве» 1831 г. устами героини Полины, передовой русской женщины, Пушкин неоднократно воздает хвалы русскому народу, его патриотизму, его мужеству в борьбе с нашествием французов — в контрасте с рядовым дворянством, проявившим тогда много эгоизма, лицемерия и трусости. «Народ ожесточился, — отмечает Пушкин. — Светские балагуры присмирели, дамы вструхнули... Все закричали о Пожарском и Минине и стали проповедовать народную войну, собираясь на долгих отправиться в саратовские деревни». Когда Полина узнает, что пожары в Москве были делом рук народа, она восклицает: «О, мне можно гордиться именем россиянки! Вселенная изумится великой жертве! Теперь и падение наше (т. е. занятие Москвы Наполеоном) мне не страшно, честь наша спасена; никогда Европа не осмелится уже бороться с народом, который рубит сам себе руки и жжет свою столицу!»

О великом единодушии народа, о всеобщем подъеме патриотизма в героические дни 1812 г. в своих письмах и воспоминаниях свидетельствуют многие современники. Декабрист Н. И. Тургенев писал: «При появлении врага деревни поднимались добровольно, и крестьяне повсюду вели партизанскую войну, сражаясь с удивительной храбростью». Так думал и декабрист П. Г. Каховский: «народ радостно всё нес в жертву для спасения отечества». Так думал и декабрист А. А. Бестужев.

В своем мужественном письме к Николаю I из Петропавловской крепости Бестужев писал: «Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то народ русский впервые ощутил свою силу; тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости сперва политической, а впоследствии и народной». Когда после восстания 14 декабря ссыльный декабрист Бестужев служил простым ря-

довым в кавказских войсках, он еще ближе познакомился с русским солдатом, т. е. с крепостным в солдатской шинели. В письме к Н. А. Полевому в 1832 г. Бестужев писал о русском солдате: «Как многогранна его деятельность, но как отличны его понятия от тех, под которыми по форме привыкли его рисовать! Этот газетный мундир вовсе ему не впору... Кто видел солдат только на разводе, тот их не знает... Надо спать с ними на одной доске в карауле, лежать в морозную ночь в секрете, итти грудь с грудью на завал, на батарею, лежать под пулями в траншее, под перевязкой в лазарете; да безделица: ко всему этому надо гениальный взор, чтобы отличить перлы в куче всякого хламу, и потом дар, чтобы снизать из этих перл ожерелье! О, сколько раз проклинал я бесплодное мое воображение за то, что из стольких материалов, под рукой моей рассыпанных, не мог я состроить ничего доселе!»

Ближайшим наследником и продолжателем декабристов явился Лермонтов. В стихотворении «Бородино» Лермонтов создал яркую картину Бородинского сражения, аналогичную той, какую изобразил Пушкин в «Полтаве».

«Скажи-ка, дядя, ведь недаром
Москва, спаленная пожаром,
Французу отдана.
Ведь были ж схватки боевые,
Да, говорят, еще какие!
Недаром помнит вся Россия
Про день Бородина!»

— Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя:
Богатыри — не вы!
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля...
Не будь на то господня воля,
Не отдали б Москвы.

Мы долго молча отступали,
Досадно было, боя ждали,
Ворчали старики:
«Что ж мы? на зимние квартиры?
Не смеют что ли командиры
Чужие изорвать мундиры
О русские штыки?»

И вот нашли большое поле:
Есть разгуляться где на воле!
Построили редут.

У наших ушки на макушке!
Чуть утро осветило пушки
И леса синие верхушки —
Французы тут-как-тут.

Забил заряд я в пушку туго
И думал: угощу я друга!
Постой-ка, брат, мусью:
Что тут хитрить, пожалуй к бою;
Уж мы пойдем ломить стеною,
Уж постоим мы головою
За родину свою!

Два дня мы были в перестрелке.
Что толку в этакой безделке?
Мы ждали третий день.
Повсюду стали слышны речи:
«Пора добраться до картечи!»
И вот на поле грозной сечи
Ночная пала тень.

Прилег вздремнуть я у лафета,
И слышно было до рассвета,
Как ликовал француз.
Но тих был наш бивак открытый:
Кто кивер чистил весь избитый,
Кто штык точил, ворча сердито,
Кусая длинный ус.

И только небо засветилось,
Всё шумно вдруг зашевелилось,
Сверкнул за строем строй.
Полковник наш рожден был хватом:
Слуга царю, отец солдатам...
Да, жаль его: сражен булатом,
Он спит в земле сырой.

И молвил он, сверкнув очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
Умремте ж под Москвой,
Как наши братья умирали!»
— И умереть мы обещали,
И клятву верности сдержали
Мы в Бородинский бой.

Ну ж был денёк! Сквозь дым летучий
Французы двинулись как тучи,
И всё на наш редут,

Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут.

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел.

Изведал враг в тот день немало,
Что значит русский бой удалый,
Наш рукопашный бой!..
Земля тряслась — как наши груди,
Смешались в кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудий
Слились в протяжный вой...

Вот смерклось. Были все готовы
Заутра бой затеять новый
И до конца стоять...
Вот затрещали барабаны —
И отступили бусурманы.
Тогда считать мы стали раны,
Товарищей считать.

Да, были люди в наше время,
Могучее, лихое племя:
Богатыри — не вы.
Плохая им досталась доля:
Немногие вернулись с поля.
Когда б на то не божья воля,
Не отдали б Москвы.

Замечательно сказал об этом стихотворении В. Г. Белинский: «В каждом слове слышите солдата, язык которого, не переставая быть грубо простодушным, в то же время благороден, силен и полон поэзии».

О Лермонтове и его прославленном стихотворении Л. Н. Толстой сказал: «Его Бородино — это зерно моей Войны и мира». Действительно, и по всему духу и пониманию, и по одинаковому взгляду на роль народа, Лермонтов и Толстой близки в изображении войны 1812 года и Бородинского боя.

Самое описание Бородинского сражения является не выдумкой Лермонтова. Он очень точно описал по рассказу участников

защиту знаменитого «Редута Раевского», где стояла русская батарея, нанесшая огромный урон французским атакующим частям. И слова «полковника-хвата» не сочинены Лермонтовым: их произнес генерал Дохтуров, командовавший левым флангом.

Роман Толстого в основном посвящен событиям войны 1812 г. Из четырех огромных томов «Войны и мира» Отечественной войне посвящены два последних тома. Но и первые два тома подготовляют нас к пониманию событий Двенадцатого года.

Толстой был великий реалист, правдивый исследователь и изобразитель жизни. Ему удалось глубоко осмыслить Отечественную войну, показать не только полководцев, но и народ на войне.

Самым главным в изображении и понимании Отечественной войны у Толстого является народный характер этой войны. Толстой по-разному изображает войны 1805—1810 гг. (тт. I и II) и войну 1812 г. (тт. III и IV). В 1805—1810 гг. сталкиваются между собою государства — царская Россия и наполеоновская Франция, там воюют только армии. Там не затронуты еще глубокие силы народные. Накануне Бородинского сражения кн. Андрей Болконский говорит Пьеру Безухову: «Отчего мы под Аустерлицом проиграли сражение? У нас потеря была почти равная с французами». И сам же отвечает: «нам там незачем было драться... А завтра мы этого не скажем».

В томах, посвященных эпохе Отечественной войны, — иное. Здесь война осмысляется как война партизанская, крестьянская, глубже — война народная. Сами солдаты чувствуют и ведут себя иначе. Простой офицер Тимохин накануне Бородинского сражения говорит: «Солдаты в моем батальоне, поверите ли, не стали водку пить: не такой день, говорят». Встретившийся Пьеру Безухову безыменный простой солдат заявил: «Нынче не разбирают... Всем народом навалиться хотят, одно слово — Москва». И от себя самого Толстой пишет: «Дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но и с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло всё нашествие».

Из многих ценнейших высказываний Толстого о партизанской войне приведем еще только одно: «Прежде чем партизанская война была официально принята нашим правительством, уже тысячи людей неприятельской армии — отсталые мародеры, фуражиры — были истреблены казаками и мужиками, побивавшими этих людей так же бессознательно, как бесознательно собаки загрызают забеглую бешеную собаку. Денис Давыдов своим русским чутьем первый понял значение той страшной дуби-

ны, которая, не спрашивая правил военного искусства, уничтожала французов, и ему принадлежит слава первого шага для узаконения этого приема войны».

Поразительно, как глубоко понимал Толстой историческое значение Кутузова — полководца, народного героя. В одном из ранних рукописных вариантов «Войны и мира» читаем: «Когда французы вошли в Россию, — Кутузов, выбранный одним народом, вместе с народом ужаснулся тому, что грозило России. Приняв командование армиями в самую трудную минуту, он вместе с народом, и по воле народа, делал распоряжения для единственного сражения во всё время войны, сражения при Бородине, где народ напряг все свои силы, и где народ победил, и где один Кутузов, чувствовавший всегда вместе с народом, противно всем толкованиям своих генералов... знал то, что знал весь русский народ, то, что народ этот победил».

В соответствии с таким общим пониманием народного характера Отечественной войны Толстой создает четкие характеристики незаметных героев войны, — например мужиков Власа и Карпа, которые без лишних слов жгли сено, чтобы оно не доставалось Наполеону, простоватого партизана Тихона, который, однако, «был самый полезный и храбрый человек».

Грандиозная эпопея Толстого несравнима и непревосходима по своей гениальности.

И в наши дни в произведениях советских писателей живы художественные образы Двенадцатого года. В советских театрах с успехом идет пьеса В. Соловьева «Фельдмаршал Кутузов», удостоенная Сталинской премии.

Новые опыты художественного истолкования событий 1812 г. только помогут нам глубже осмыслить Первую отечественную войну, которую мы вспоминаем с гордостью и волнением в дни Великой Отечественной войны советского народа с фашистскими захватчиками, и в этой нашей народной войне огромное значение имеет партизанская борьба с врагом.

В своем выступлении по радио 3 июля 1941 г. товарищ Сталин сказал: «В занятых врагом районах нужно создавать партизанские отряды, конные и пешие, создавать диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога лесов, складов, обозов. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

Великая Отечественная война нашего народа против фашистских захватчиков кончится для нас такой же победой, как и Отечественная война 1812 года.

КРЫМСКАЯ ВОЙНА 1854—1855 гг. И ОБОРОНА СЕВАСТОПОЛЯ

Осенью 1853 г., пользуясь поддержкой Англии и Франции, Турция объявила войну России. Французский и английский флоты были уже наготове и вошли в Босфор. Военные действия начались на Дунае и в Закавказье.

В ноябре 1853 г. русская эскадра под начальством адмирала Нахимова атаковала на Синопском рейде (южный берег Черного моря) двенадцать турецких кораблей и после ожесточенного трехчасового боя потопила их. Тогда английская и французская эскадры вышли из Босфора в Черное море. Последовал разрыв между Россией, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой.

Союзники не сразу обнаружили, куда они направят свои удары. На Черном море они бомбардировали Одессу, на Белом море Соловецкий монастырь, на Балтийском море англо-французская эскадра взяла Аландские острова и появлялась перед Кронштадтом. Неприятельские суда действовали даже на Дальнем Востоке у Камчатки. Такая тактика заставляла русских разбрасывать свои силы и напрягать внимание на самых различных и отдаленных границах.

Наконец, к осени 1854 г. определилось, что главный удар будет направлен на Крым. В сентябре к западному берегу Крыма подошел громадный флот союзников (136 паровых и парусных судов) и высадилось около 60 тысяч французских, английских и турецких войск, которые заняли Евпаторию, а затем двинулись к Севастополю, где был сосредоточен русский военный флот, состоявший из 14 парусных линейных кораблей, 7 фрегатов и 11 паровых судов меньшего размера.

Тридцатитысячная русская армия в неравном бою пыталась задержать неприятеля на реке Альме, но вдвое превосходящим силам противника все же удалось укрепиться в юго-западной оконечности Крымского полуострова и осадить Севастополь.

Обороной Севастополя руководили моряки-адмиралы Корнилов, Нахимов и Истомин. Они затопили свои боевые корабли и тем заградили вход в Севастопольскую бухту. Пушки с кораблей были перенесены на береговые укрепления. Матросы, солдаты, горожане под руководством военного инженера Тотлебена соорудили вокруг Севастополя бастионы и батареи. Так началась героическая оборона Севастополя.

Как раз в эти дни в Севастополь приехал великий русский писатель Лев Николаевич Толстой, тогда еще молодой человек, служивший в артиллерии. В своем письме к брату он сообщал: «Город осажден с одной стороны, с южной, на которой у нас не было никаких укреплений, когда неприятель подошел к нему. Теперь у нас на этой стороне больше 500 орудий огромного калибра и несколько рядов земляных укреплений, решительно неприступных... Неприятель уже более 3-х недель подошел в одном месте на 80 сажен и нейдет вперед; при малейшем движении его вперед, его засыпают градом снарядов. Дух в войсках свыше всякого описания. Во времена древней Греции не было столько геройства. Корнилов, объезжая войска, вместо „здорово ребята!", говорил: „нужно умирать, ребята, умрете?" и войска кричали: „Умрем! ...ура!" И это был не эфект, а на лице каждого видно было, что не шутя, а *взаправду*, и уж 22000 исполнили это обещание. Раненый солдат, почти умирающий, рассказывал мне, как они брали 24-го [ноября] французскую батарею и их не подкрепили; он плакал навзрыд. Рота моряков чуть не взбунтовалась за то, что их хотели сменить с батареи, на которой они простояли 30 дней под бомбами. Солдаты вырывают трубки из бомб. Женщины носят воду на бастионы для солдат. Многие убиты и ранены... Чудное время!.. Бомбардированье 5-го числа останется самым блестящим славным подвигом не только в Русской, но во всемирной истории. Более 1 500 орудий два дня действовали по городу и не только не заставили сдаться его, но не заставили замолчать и $^1/_{20}$-й наших батарей».

Особенно прославились защитники самого южного, четвертого бастиона. Л. Н. Толстой бывал на этом бастионе и описал его в очерке «Севастополь в декабре месяце»: «Когда кто-нибудь говорит, что он был на 4-м бастионе, он говорит это с особенным удовольствием и гордостью; когда кто говорит: „я иду на 4-й бастион", непременно заметно в нем маленькое волнение или слишком большое равнодушие; когда хотят подшутить над кем-нибудь, говорят: „тебя бы поставить на 4-й бастион"; когда встречают носилки и спрашивают: „откуда?" большей частью отвечают: „С 4-го бастиона"».

И Толстой ведет своего читателя по изрытой ядрами дороге,

мимо полуразрушенных домов, вверх, на скользкую глинистую гору. Наконец вы «выходите на батарею — на площадку, изрытую ямами и обставленную турами, насыпанными землей, орудиями на платформах и земляными валами. Здесь увидите вы, может быть, человек пять матросов, играющих в карты под бруствером, и морского офицера, который, заметив в вас нового человека, любопытного, с удовольствием покажет вам свое хозяйство и всё, что для вас может быть интересного. Офицер этот так спокойно свертывает папироску из желтой бумаги, сидя на орудии, так спокойно прохаживается от одной амбразуры к другой, так спокойно, без малейшей афектации говорит с вами, что, несмотря на пули, которые чаще, чем прежде, жужжат над вами, вы сами становитесь хладнокровны и внимательно расспрашиваете и слушаете рассказы офицера. Офицер этот расскажет вам, — но только, ежели вы его расспросите, — про бомбардирование 5-го числа, расскажет, как на его батарее только одно орудие могло действовать, и из всей прислуги осталось 8 человек, и как всё-таки на другое утро 6-го он *палил* из всех орудий; расскажет вам, как 5-го попала бомба в матросскую землянку и положила одиннадцать человек; покажет вам из амбразуры батареи и траншеи неприятельские, которые не дальше здесь, как в 30—40 саженях... Очень может быть, что морской офицер, из тщеславия или просто так, чтобы доставить себе удовольствие, захочет при вас пострелять немного. „Послать комендора и прислугу к пушке", и человек четырнадцать матросов живо, весело, кто засовывая в карман трубку, кто дожевывая сухарь, постукивая подкованными сапогами по платформе, подойдут к пушке и зарядят ее. Вглядитесь в лица, в осанки и в движения этих людей: в каждой морщине этого загорелого, скуластого лица, в каждой мышце, в ширине этих плеч, в толщине этих ног, обутых в громадные сапоги, в каждом движении, спокойном, твердом, неторопливом, видны эти главные черты, составляющие силу русского, — простоты и упрямства...

«Итак, вы видели защитников Севастополя на самом месте защиты и идете назад, почему-то не обращая никакого внимания на ядра и пули, продолжающие свистать по всей дороге до разрушенного театра, — идете со спокойным, возвысившимся духом. Главное, отрадное убеждение, которое вы вынесли, это — убеждение в невозможности взять Севастополь и не только взять Севастополь, но поколебать где бы то ни было силу русского народа, — и эту невозможность видели вы не в этом множестве траверсов, брустверов, хитро сплетенных траншей, мин и орудий, одних на других, из которых вы ничего не поняли, но видели ее в глазах, речах, приемах, в том, что называется духом защитников Севастополя. То, что они делают, делают они так просто, так малонапряженно и усиленно, что,

вы убеждены, они еще могут сделать во сто раз больше... они всё могут сделать. Вы понимаете, что чувство, которое заставляет работать их, не есть то чувство мелочности, тщеславия, забывчивости, которое испытывали вы сами, но какое-нибудь другое чувство, более властное, которое сделало из них людей, так же спокойно живущих под ядрами, при ста случайностях смерти вместо одной, которой подвержены все люди, и живущих в этих условиях среди беспрерывного труда, бдения и грязи... Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...»

Севастополь оборонялся одиннадцать месяцев. Многочисленные штурмы отбивались с отчаянным мужеством. В боях за Севастополь погибли Корнилов, Истомин, Нахимов. Когда союзники убедились, что четвертый бастион взять невозможно и разгадали командное значение Малахова Кургана, они сосредоточили все усилия против этого укрепления. Штурм 18 июня закончился для союзников полной неудачей, они потеряли 5500 человек.

В конце августа 1855 г. союзники предприняли последнюю, самую разрушительную бомбардировку Севастополя. На этот раз французам удалось ворваться на Малахов Курган и овладеть им. Во всех других местах штурм был отбит. Однако после потери Малахова Кургана защита Севастополя была уже невозможна. Русские сожгли в городе все, что могли, и оставили врагу одни развалины.

Вскоре в Малой Азии была одержана большая победа: русские войска взяли турецкую крепость Карс. Когда в Париже был заключен мир, Севастополь был возвращен России в обмен на Карс.

Героическая оборона Севастополя, беззаветная храбрость и самоотверженность русских моряков, солдат, севастопольских женщин и даже детей подсказала многим русским и иностранным писателям замыслы стихотворений, рассказов, повестей и романов. Самым значительным литературным памятником Крымской войны 1854—1855 гг. являются «Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого: «Севастополь в декабре месяце», «Севастополь в мае» и «Севастополь в августе 1855 г.».

В советской литературе наиболее ярко и художественно-правдиво оборона Севастополя описана в романе писателя С. Н. Сергеева-Ценского «Севастопольская страда». За этот роман, состоящий из трех томов и охватывающий события 1852—1855 гг., С. Н. Сергееву-Ценскому была присуждена Сталинская премия.

Большой интерес представляет также биографическая повесть А. И. Зонина «Адмирал Нахимов». В книге А. Зонина рассказывается о жизни и героической деятельности умного и пе-

редовсго организатора защиты Севастополя — адмирала П. С. Нахимова.

На сцене советских театров с большим успехом идет пьеса И. Луковского «Адмирал Нахимов»; в этой пьесе показана Севастопольская оборона и ее герои во главе с Нахимовым.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

В июле 1914 г. германский империализм начал давно подготовлявшуюся капиталистическими странами Европы первую мировую войну, принесшую неисчислимые беды человечеству. Деятели германского генерального штаба рассчитывали на «молниеносные победы». Немецкие военачальники намеревались обходным наступлением через Бельгию уничтожить французскую армию и потом всю силу удара направить на Россию, чтобы занять Петербург. Этот план войны был разработан немецким генеральным штабом задолго до июля 1914 г. Уверенность у самонадеянных немецких полководцев в осуществимости этого плана была полная. Недаром немецкие военачальники в дни августовского похода на Париж говорили о начавшейся войне, как о «желанной, быстрой и веселой».

Миллионные армии были приведены в движение. Под лозунгами: «На Париж!», «На Петербург!» немецкие полчища вторгаются на земли Франции и России. Германское командование занимает Бельгию и подходит к французской границе с севера. Французы пытаются наступать на Эльзас-Лотарингию, но терпят здесь крупное поражение. Отвод французской армии на юг спас ее от уничтожения. 5 сентября 1914 г. французская и английская армии останавливаются на р. Марне. Гром канонады слышен в Париже. Наступают решающие дни. Германскому командованию кажется вполне возможным молниеносным ударом поставить французов на колени. Но здесь произошли непредвиденные обстоятельства. Россия сумела мобилизовать свою армию скорее, чем это предполагалось немецким генеральным штабом. Две русские армии вторглись в восточную Пруссию и стали быстро продвигаться вперед. Успехи русского оружия расстроили планы германского генерального штаба. В самый решительный момент он ослабил свой удар по Парижу снятием двух корпусов для задержки быстрого наступления русских. Время было упущено. Немецкая армия вышла на поле сражения на Марне ослабленной, с разрывом в группировке сил, с слабым

левым флангом, без достаточного количества снарядов и резервов.

Кровопролитное сражение на Марне фактически явилось для Германии проигрышем войны. В итоге марнских боев огромные армии окопались, началась позиционная война. Надежды на «быструю» победу развеялись. И, вместо того, чтобы закончить войну, как обещали немецкие военачальники своему народу, до «осеннего листопада», война продолжалась четыре года, три месяца и двадцать шесть дней. Несмотря на все усилия германского командования, несмотря на неполадки в организации в боевом снабжении царской армии, благодаря героизму русского солдата все попытки разгрома русских были безрезультатны. Более того, русская армия неоднократно спасала своих союзников от поражения и наносила сокрушающие удары немецким полчищам. Добившись некоторых успехов в Польше, германская армия принуждена была вскоре прекратить наступление, ибо в изнуряющих боях с русскими она понесла громадные потери и не имела резервов. В дни решающих боев на западном фронте, когда у Вердена решалась судьба Англии, Франции и Америки, русская армия своими победами определила исход всей войны. Следует сказать, что во время сражения под Верденом общая потеря французов и немцев определилась в 2 миллиона человек, из которых 400 тысяч пали мертвыми. Артиллерийский огонь в боях был таким смертоносным, что из 400 тысяч убитых 300 тысяч человек не могли быть даже опознаны. Здесь немцы пытались создать такую «зону смерти», в которой ни одна воинская часть не могла больше удержаться. Каждый квадратный метр обстрелянной площади покрылся толстым слоем железа и стали.

Против этой великолепной по техническому оснащению и организации армии выступает русская армия. В мае 1916 г. войска юго-западного фронта переходят в общее наступление. Талантливый генерал Брусилов разрабатывает план, согласно которому наносился удар противнику одновременно в различных пунктах фронта. Немецкое и австрийское командование было дезориентировано. 22 мая войска генерала Брусилова перешли в общее наступление. Как рассказывает Брусилов в своих воспоминаниях, «со дня наступления 22 мая по 1 ноября юго-западным фронтом было взято в плен свыше 450.000 человек офицеров и солдат, то есть столько, сколько в начале наступления, по всем имеющимся довольно точным у нас сведениям, находилось передо мной неприятельских войск. В это же время противник потерял свыше 1.500.000 убитыми и ранеными».

Это победоносное наступление русской армии настолько деморализовало немецкое командование, что оно вынуждено было снять с западного фронта двадцать четыре дивизии. Угрожающее положение, создавшееся на западном фронте и, в частно-

сти, под Верденом, было ослаблено. Силы германской армии оказались надломленными, и она, в результате контрнаступления французов, понесла такой урон, от которого более не смогла оправиться.

Здесь следует отметить, что для усиления средств атаки немцы в начале 1915 г. на французском и русском фронтах стали применять отравляющие вещества. Вопреки международному праву, исключавшему, в согласии с постановлением Гаагской мирной конференции 1899 г., использование снарядов, выбрасывающих «удушливые и ядовитые газы», немцы внезапно применили это запрещенное оружие в невиданных масштабах и формах.

Героическая борьба русского народа с немецкими полчищами, пренебрегшими всеми установленными правилами войны, отразилась в ряде произведений художественной литературы. Некоторые писатели уже в годы войны ощутили распад и разложение правящей клики и вместе с тем оценили на фронте выдержку, самообладание и героизм русских воинов. В своих очерках, рассказах и стихотворениях они показали эти высокие качества русского народа. Так, крупный поэт, один из организаторов литературной жизни тех лет, В. Брюсов, в самом начале войны уехавший в качестве корреспондента на фронт, сумел в ряде очерков и в стихах рассказать о героизме русских солдат и отдельных военачальников. С другой стороны, Брюсов разоблачал коварство врага и те злодеяния, которые он чинил в занятых местностях. Так, Брюсов писал: «Немецкие зверства — не выдумка сочинителя трогательных фильм для кинематографа, а горестная действительность. Мы в праве презирать пруссаков за всё совершенное ими — от разгрома Реймского собора до расстрела детей в польских городах».

В другой корреспонденции с фронта в ноябре 1914 г. Брюсов отмечал особые причины «храбрости» немецкого солдата. Брюсов писал: «Немцы храбры и отважны в атаке, потому что они перед боем напиваются водкой и эфиром. Храбрость русских — трезвая и сознательная».

В своих очерках Брюсов рисует образы русских героев войны. Он показывает нам разведчика Т., который совершал чудеса отваги настолько изумительные, что никакие герои фантастических романов не могут быть поставлены с ними рядом. Брюсов рассказывает о ротмистре Б., который в своих фронтовых подвигах не уступает разведчику Т. по отваге и доблести. В одном из очерков, названном «Штабс-капитан Гурдов», Брюсов дает портрет командира бронеавтомобильного отряда Гурдова, погибшего в одном из боев с немцами. В некрологе, посвященном этому герою, Брюсов показывает человека, который не только храбр, не только готов исполнить свой долг, но по-

лон, как пишет Брюсов, «неодолимой потребностью приблизиться к опасности и восторжествовать над нею силами своего хладнокровия, решительности и строгого расчета». Этот человек, в изображении Брюсова, мечтал с наибольшей полнотой использовать технику в деле борьбы с неприятелем.

На фронтах войны с немцами Брюсов видит много мужественных людей, полных любви к своей родине и ненависти к врагу. Брюсов утверждает, что может привести множество примеров «неустрашимой храбрости, дивной удачи, невероятных опасностей и чудесной изворотливости». Он вспоминает ряд исключительных подвигов рядовых, вспоминает рассказ о трех казаках, которые «отбивались от натиска целого эскадрона австрийцев, желавших взять храбрецов живыми».

В ряде стихов Брюсов показал историческую роль русского народа в борьбе с германским империализмом. Так, в стихотворении «В окопах» Брюсов говорит:

В семье суровых ветеранов
Пью чай. Пальба едва слышна.
Вдали под снегом спит Цеханов,
И даль в снегу погребена.
Незримо судьбы всей Европы
С судьбой уральцев сплетены.

Многие очерки и стихотворения Брюсова, после Великой Октябрьской социалистической революции вступившего в ряды Коммунистической партии, верно изображают как русского воина, так и коварного врага.

«Талантливейший поэт нашей советской эпохи» В. В. Маяковский в своих сатирических стихах, подписях к народным лубкам, также ставил своей задачей высмеять пресловутую непобедимость германского оружия и показать героизм русского солдата и народа в целом. Маяковский в первые дни войны, в связи с вторжением германцев в Польшу, писал:

Ну и треск же, ну и гром же
Был от немцев подле Ломжи.

Так же Маяковский высмеивал союзника Германии — его лакея, Австро-Венгерскую империю:

Шел австриец в Радзивилы,
А попал на бабьи вилы.

Тема мировой войны, связанная с задачей показать героизм русского войска и коварства врага, эта тема стала большой темой советской художественной литературы. Ряд крупнейших пи-

сателей нашей социалистической родины поставили перед собой задачу показать русскую армию в те годы.

М. Шолохов, которому присуждена Сталинская премия по литературе, в первой части «Тихого Дона» рисует казачество на фронте, показывает исключительные воинские качества, свойственные казацким частям.

Разгрому австро-германской армии в Галиции в 1916 г. посвятил свою небольшую повесть «Прорыв» Ю. Вебер. Он показывает, как австрийцы и германцы были ошеломлены внезапностью наступления русских. Он справедливо отмечает, что главным героем этого наступления оказалась русская артиллерия. Вебер показывает, как эта артиллерия разгромила пулеметные гнезда австро-германцев, как она отрезала ходы сообщений и неприятельские полевые караулы и мешала противнику вести огонь из орудий, бомбометов и винтовок. После артиллерийских подготовок на протяжении четырехсот верст юго-западного фронта двинулась вперед русская армия. Ревущий смерч огня, пишет Вебер, всё нарастал. Колья и рогатки взлетали высоко вверх вместе с фонтанами взорванной земли. Стальная колючая проволока, которую часто не могли взять никакие ножницы, рвалась под ударами снаряда, как простая бумажная нитка. Осколочные гранаты осыпали по косой линии неприятельские окопы и ходы сообщения, выметая на своем пути всё живое. Толстые своды блиндажей и убежищ трещали и обрушивались под ударами бомб и фугасных снарядов. Специально выделенные орудия бомбардировали наблюдательные пункты и батареи австро-венгерцев и их штабы и узлы телефонной связи. Стрельбу этих орудий направляли самолеты, летавшие над расположением противника, и привязные аэростаты. Оглушенный и ослепленный враг, подавленный неожиданностью нападения, отвечал вяло и беспорядочно. Падение австрийских снарядов показывает, что у противника не было определенного плана стрельбы, что он не знал, где находилось большинство русских батарей и пунктов наблюдений и связей. Русские артиллеристы стреляли с неумолимой методичностью. В это время австрийцы, венгерцы и немцы сидели запертые в своих убежищах, тесно прижавшись к земляным стенкам, к полу, к своим товарищам, напрасно надеясь найти у них поддержку упавшему мужеству. После такой мощной артиллерийской подготовки русская пехота пошла в атаку. Моральное состояние неприятельских войск окончательно пало. Неприятельские солдаты уже не представляли собой организованное войско. Это было сборище душевно потрясенных людей, думающих лишь о спасении. Артиллерия врага была подавлена. Пулеметы молчали в разрушенных блиндажах. Русские пехотные дивизии почти беспрепятственно заняли чуть ли не всю первую линию про-

тивника. Прорыв был осуществлен блестяще. Русские войска развивали его в обе стороны, распространяясь в тылу противника.

Эта славная героическая страница, связанная с разгромом австро-венгерских сил, рассказанная советским писателем, сызнова показывает, каких победоносных результатов добиваются русские войска при техническом оснащении и талантливом руководстве.

Выступая по радио 3 июля 1941 г., товарищ И. В. Сталин сказал:

«История показывает, что непобедимых армий нет и не бывало. Армию Наполеона считали непобедимой, но она была разбита попеременно русскими, английскими, немецкими войсками. Немецкую армию Вильгельма в период первой империалистической войны тоже считали непобедимой армией, но она несколько раз терпела поражения от русских и англо-французских войск и, наконец, была разбита англо-французскими войсками. То же самое нужно сказать о нынешней немецко-фашистской армии Гитлера. Эта армия не встречала еще серьезного сопротивления на континенте Европы. Только на нашей территории встретила она серьезное сопротивление. И если в результате этого сопротивления лучшие дивизии немецко-фашистской армии оказались разбитыми нашей Красной Армией, то это значит, что гитлеровская фашистская армия также может быть разбита и будет разбита, как были разбиты армии Наполеона и Вильгельма».

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

Кончилась первая мировая империалистическая война. Потянулись домой с фронта солдаты — ждала их свежая, плодоносная, только что отнятая у помещиков родная земля.

«Шел солдат с фронта. На войну уходил молодым канониром, возвращался в бессрочный отпуск бомбардир-наводчиком... Сунув на глаза папаху из телячьих лапок, в аккуратной шенелке, раздутой в бедрах, маленький и бойкий, шел Семен Федорович Котко по замерзшей к вечеру степной дороге, подкидывая спиной ранец, туго набитый всякой всячиной».

Шел солдат с фронта и попал... на фронт. Налетели на родную землю злодеи, пошли они войной на свободных людей, посягнули они на независимость только что созданного советского государства. Это поднялся немецкий захватчик на свободную Украину. «Германские империалисты делали все возможное и невозможное для того, чтобы изолировать, ослабить и погубить Советскую страну. Они оторвали от Советской России, правда, по „договору" с Украинской радой, — Украину, ввели на Украину по просьбе белогвардейской Украинской Рады свои войска и стали бесчеловечно грабить и угнетать украинский народ, запрещая ему поддерживать какую бы то ни было связь с Советской Россией» (Краткий курс истории ВКП(б), стр. 217—218).

В 12 часов дня 18 февраля 1918 г. свыше тридцати германских дивизий, насчитывавших почти четверть миллиона солдат, обрушились на землю Украины, которая едва могла собрать тогда в разных частях своих пятнадцать тысяч бойцов. Легкая победа далась захватчику благодаря слабости обескровленного и истерзанного войною молодого советского государства. Ужасы интервенции на всю жизнь запомнил украинский народ. Огромные хлебные контрибуции, грабеж, пытки, насилия и террор принесли с собою захватчики. Но недолго они разбойничали на советской земле. Весь народ поднялся против них. В знамени-

той статье «Украинский узел» 14 марта 1918 г. товарищ Сталин писал: «Против иноземного ига, идущего с Запада, Советская Украина подымает освободительную *отечественную* войну, — таков смысл событий, разыгрывающихся на Украине».

Поднялся с другими и Семен Котко, солдат с фронта, герой повести Валентина Катаева «Я — сын трудового народа». В образе Семена воплотились лучшие черты труженика-патриота, грудью ставшего на защиту отечества. Оккупанты отняли и вернули помещику Клембовскому землю, на которой должен был трудиться Семен. Забрали у него невесту, расправились с его друзьями — матросом Царевым и Трофимом Ременюком. «Налетели откуда ни возьмись теи злыдни и порушили всю нашу селянскую жизнь».

Уже первые вести о германском нашествии — вести, что привез с базара в Балте Семен, взбудоражили всю округу.

«— Товарищи селяне! — сказал большевик Ременюк. — Слухайте все и понимайте. Сюда до нас идет немец, а вин шутковать не любит. Он хотит взять в кабалу рабочих, отобрать землю у крестьян, отнять волю у народа. Он хотит выкачать хлеба тридцать миллионов пудов и всевозможное продовольствие в Германию, хотит задушить Украину и Россию... Товарищи селяне, мы должны теперь показать на деле, что мы не продажные шкуры, а будем до конца бороться с нашествием иноплеменников... Не давать им продовольствия, заморить их к чорту голодом, жечь скирды хлеба, но не давать его германцам!»

Стали собираться селяне в лесах, пошел с ними бомбардиром Семен Котко. «Богунцы под Киевом и Щорс вместе с батькой Боженко на Черниговщине наводили ужас на гайдамаков и немцев, захотевших попробовать украинского хлеба и меда. На север от Могилева-Подольского, в области Куковки, Теребиловки и Немирца, восстало две тысячи селян. Той же ночью под Проскуровым под откос свалился поезд. За Лубнами горели помещичьи скирды».

Так отвоевал свою землю Котко, вернул себе невесту — Софью, зажил жизнью свободного человека и спустя двадцать лет стоял он на трибуне у Кремлевской стены и салютовал проходящим по площади красноармейским частям.

О подвигах Щорса в борьбе с германскими оккупантами рассказали Е. Герасимов и М. Эрлих в книге «Щорс».

Столкнувшись с немцами в боях под Злынкой и Новозыбковом, Щорс вернулся затем на Украину, чтобы организовать в хуторах и селах восстание против насильников. Целые батальоны немцев подвергались нападениям со стороны партизанских отрядов. Восстание приняло невиданный размах. Австрийский посол вынужден был доносить своему правительству: «Бои

немцев к юго-западу от Киева носят серьезный характер и связаны с потерями».

Немецкое командование расклеило по селам объявление, обещавшее 100 тысяч марок тому, кто доставит Щорса или его голову. Между тем, Щорс, став во главе Богунского полка, постоянно терроризировал немецкие части, внезапно на них налетая и причиняя им большие потери. Он сконцентрировал сильный кулак против немцев под Унечей и заставил немцев начать отход, закончившийся их поражением.

Много легенд сложилось в народе о славных делах Николая Щорса в борьбе с немецкими оккупантами. Его изображали человеком в рваном зипуне и лаптях, который ходит по всем городам и селам, занятым германскими войсками.

«Это сам дядько Микола», — говорили о нем в народе. «Вот он, значит, все высмотрит: какие где штабы стоят, сколько войск и генералов при них, а потом нет его — сгинул. А ночью, смотришь, в городе уже наша братва-партизаны. Впереди на белом коне — сам дядько Микола. Весь бомбами увешан».

Когда на Украине шла борьба, в Луганске во главе Первого городского социалистического отряда встал К. Е. Ворошилов. Легендарный Пархоменко сражался в этом отряде. О подвигах луганцев, поднявших весь Донбасс на борьбу с германскими интервентами, рассказывает Алексей Толстой в повести «Хлеб».

Первая битва луганцев с немецкими драгунами разыгралась между Бахмачем и Ворожбой.

«Драгуны были отброшены... Ворошилов послал часть отряда с двумя пулеметами на северные холмы — прикрыть фланг от новой попытки обхода и со всеми оставшимися — около трехсот бойцов — пошел навстречу немецким цепям.

«Он велел Бокуну развернуть красное знамя и нести впереди, рядом с собой. Он подобрал винтовку и шел, почти бежал, не нагибаясь под свистящими пулями.

«Бойцы стали забегать вперед него. Отряд, разгорячась, бегом шел на немцев, оглашая степь бешеной руганью. Многие падали, роняя вперед себя винтовку. Немцы не ждали такого натиска, — огонь их становился все торопливее, все нервнее...

«„Ура!" — закричал Ворошилов, проталкиваясь вперед. „Ура!" — заревел Бокун, размахивая знаменем „Ура... Ура!" Прохватилов, оба Кривоноса, Солох — с выкаченными глазами, раздирая криком глотки, — заскочили вперед, кидали гранаты...

«Немцы не приняли штыкового боя — поднялись, отстреливаясь, пятились... Побежали...»

Под Харьковом Ворошилов организовал 5-ю армию — ударную армию, которая должна была нанести решающее поражение немцам. После того как части 1-й армии основательно по-

трепали 20-ю баварскую дивизию, после четырехдневных кровопролитных боев, которые вела против немцев 3-я армия, встретилась с противником у р. Донец армия Ворошилова. Бой на переправе был жестокий, потом он перенесся к Луганску, и здесь снова не выдержали оккупанты. «Поражаемые в рукопашном бою штыками и гранатами, немцы, бросив батарею, весь обоз и самолет, поспешно начали отступать и, наконец, — бежали».

Против злодеев, посягнувших на советскую землю, поднялись не только Украина и Донбасс, но и Псковщина и Петроград. О борьбе питерских рабочих и псковских крестьян с немецкими оккупантами рассказал в своей повести Виссарион Саянов. Название этой повести — «Страна отцов». Страну отцов наших, нашей юности, наше отечество защищали сотни тысяч тружеников и бойцов. Герой повести — молодой питерский красногвардеец — после жестоких боев, в результате которых интервенты были отогнаны от Петрограда, проник в расположение немцев на Псковщине. Он агитировал среди крестьян, среди немецких солдат, подымал весь край на борьбу с оккупантами. Много друзей приобрел в этих боях наш народ среди германских солдат. Здесь были выдающиеся, верные сыны своего народа, солдаты-интернационалисты Франц Дорер и Эрик Гуго. Вот одна из волнующих страниц этой книги, рассказывающая о том, как переходили на нашу сторону целые немецкие колонны.

«Броневики шли к станции, и позади них бежали маленькие немецкие солдаты, прижимая к животам винтовки.

«Мы давно уже были на своих местах, и наши пулеметы заработали быстро. Передовые взводы врага рассыпались по ближнему полю. Броневики остановились на минуту, словно перед разбегом, и снова тронулись по дороге.

«Ваня! — вдруг крикнул комиссар. — Ты ничего не видишь?

— Я посмотрел вдаль, ничего не увидел и пожал плечами.

«Смотри-ка, — закричал комиссар, — кавалеристы бегут... Да посмотри же ты... Немцы в собственные броневики стреляют.

«Теперь только заметил я, что произошло что-то странное и вовсе уже непонятное.

«Немецкие пехотинцы и кавалеристы бежали назад, и с каждой минутой уменьшалось расстояние между нами и броневиками. Броневики подъезжали уже к станции, но никто по ним не стрелял, и тогда только заметили мы красный флажок на башне первого броневика и поняли все.

«Маленький кривобокий солдатик выпрыгнул из броневика. Что-то подсказало мне, что это Эрик Гуго, и я бросился к нему.

«Я оглянулся. На перекрестке не было никого, кроме него и меня. Мы уже узнали друг друга и радостно замахали руками в знак приветствия.

«Вдруг услышал я, как завизжали пули, — тоненькими, жалобными голосами звенели они вокруг, и казалось, что весь воздух вокруг нас был прошит свирепыми вражескими залпами.

«Эрик упал, взмахнув рукой, и когда я подбежал к нему, кровь струилась по его лицу. Я расстегнул мундир Эрика и приложил ухо к груди. Сердце не билось.

«Я долго стоял возле места, где убили маленького немецкого солдата, так верившего в нашу новую правду, и молча ждал подхода броневиков. Но броневики задержались. Они стреляли по убегавшим немецким частям.

«Прошло немного времени, и команда броневиков запела песню, которую давно уже сделали мы своим государственным гимном. И вместе с ними запели люди нашего отряда. „Приветствую спартаковцев!" — просто сказал Гребенщиков, и все молча склонились над трупом Эрика Гуго».

Вот еще эпизод из истории гражданской войны на Украине, рассказанный поэтом Вс. Азаровым. Кучка подростков по-юношески горячо переживает вражеское нашествие на свой родной край. Они решают взорвать мост, чтобы не дать возможности интервентам ввозить на Украину свои войска, а из нее выкачивать хлеб. Они подкладывают пироксилиновые шашки под мост, но у них нет бикфордова шнура, чтобы безопасно произвести взрыв. Один из юношей жертвует собой и взрывает мост:

И вырос на устоях мост,
Взошел товарищ на откос.
Он льет на паклю керосин.
Он матери не мог сказать,
Куда идет, —
Его поймет,
За все простит и скажет мать —
Был у меня хороший сын.
И спичку к пакле он поднес.
Как раненый огромный зверь,
Мост выгнулся и закричал.
Подобно залпу батарей,
Неистова и горяча,
Взлетела вта туша вверх.

Состава воинского взрыв.
Напрасно мчались патрули.
Встал справедливый гнев земли,
Врагам пути перегradив.

Пусть на полях
Пасется скот,
Пусть жито
В житницу идет,
Пускай донбасский антрацит
Лишь нам
Свое тепло дарит.

Немало героев выдвинул советский народ в войне 1918—1921 гг. Немало героев описано в наших книгах. Вспомним Павла Корчагина, героя книги Н. Островского «Как закалялась сталь» — бойца, не щадившего жизни для дела отечества. Вспомним Василия Чапаева и Федора Клычкова — героев бессмертной повести Д. Фурманова «Чапаев». Вспомним Алешу Маленького и Петра Суркова из романа «Последний из Удэге» А. Фадеева, вспомним, наконец, Кожуха из «Железного потока» А. Серафимовича и Левинсона из «Разгрома» Фадеева — героев, ведших свои отряды от одного славного боя к другому. Высокая идейность и беззаветная, неиссякаемая отвага, верность святому делу обороны отечества и умение организовать победу — таковы качества этих героев, воплотивших в себе черты подлинных исторических лиц, героев гражданской войны — Щорса, Пархоменко, Чапаева, Ворошилова, Фурманова, Островского и качества всего нашего непобедимого народа.

Образ патриота-бойца увековечен и в ряде произведений советской поэзии — в стихах Маяковского, Багрицкого, Асеева, Тихонова и мн. др. В поэме Н. Асеева «Семен Проскаков» показан пролетарий-шахтер, сибирский партизан, который отражает нашествие интервентов и колчаковцев на Сибирь.

Семен Проскаков непоколебимо уверен в победе революции. Даже в самых тяжелых условиях разгрома и отступления больной, измученный Семен Проскаков не теряет ни на минуту мужества и воли к победе. Со своим партизанским отрядом он парализует силы врага и принимает участие в разгроме Колчака. Проскаков не одиночка — он плоть от плоти и кровь от крови рабочей и крестьянской массы. Асеев подчеркивает эту кровную связь Проскакова с народом:

Проскаков
стоит и стоит
на часах.
А сотни
Проскаковых
бродят вокруг
Средь белых
последних разнузданных вьюг!

Таковы, как Семен Проскаков, миллионы могучего и храброго советского народа, выдвигающего из своей среды героев, непобедимых и упорных в боях.

В замечательной поэме «Дума про Опанаса» Э. Багрицкий прославляет мужество большевика, борца за счастье народа, смело идущего на смерть. Комиссар Коган просто и смело готов встретить смерть от руки озверевшего врага, так как знает, что его кровь служит правому делу. Это мужественный героический облик бойца гражданской войны, верного сына народа.

В стихотворении «Смерть пулеметчика Евлампия Бачурина» А. Прокофьев рассказывает о героическом подвиге пулеметчика Бачурина, расстрелявшего все свои патроны, а затем, чтобы не отдать врагу пулемет и не сдаться живым, взорвавшего пулемет гранатой. Поэт Б. Лихарев рассказывает о героизме бойца Красной Армии, попавшего в плен к жестокому врагу. В ответ на требования врагов сообщить данные о Красной Армии раненый боец заявляет, что «резервы» армии большевиков «имеются в каждой стране».

О твердых непоколебимых людях рассказывается в многочисленных песнях советских поэтов. Этим людям посвящена песня Лебедева-Кумача «Не скосить нас саблей острой». Поэт вспоминает героическую борьбу украинского народа с иноземными насильниками, с немецкими оккупантами:

И поднялся Голота могучий,
Крепко сжал он железный кулак,
И на ворогов грозною тучей
Налетел украинский казак.
Порассыпались немцы и паны,
Гайдамацкий рассеялся сброд,—
А Голота — растет великаном
Да веселую песню поет:

Не скосить нас саблей острой,
Вражьей пулей — не убить,—
Мы врага встречаем просто:
Били, бьем и будем бить.

Было много охотников разных
До богатой Советской земли,—
Обломали бока понапрасну,
Да и ноги с трудом унесли.
Не истлели их черные кости,
Не забыты лихие дела,—
Пусть приходят фашистские гости,
Пусть идут — коли жизнь не мила.

С наибольшей полнотой героизм советского народа, мощь Красной Армии, удивлявшей своими подвигами весь мир, передал в поэзии Владимир Маяковский. В годы гражданской войны он все свое творчество, весь свой великий талант посвятил делу обороны отечества, создавая строки, «под которые Деникин бежал от Орла». В них он воспел словами точными и скупыми, как боевой приказ, героическое мужество Красной Армии, ее могучий патриотизм. Маяковский обращается к народу со словами, полными уверенности в победе, он призывает страну к величайшей мобилизованности и сплоченности:

Голой рукой нас не возьмешь,
Товарищи — все под ружья.
Красная Армия — Красный еж, —
Железная сила содружия.

Рабочий, на фабрике куй как куешь,
Деникина день сосчитан.
Красная Армия — Красный еж, —
Верная наша защита.

Боевые, агитирующие стихи Маяковского передавали волю к победе, храбрость и мужественную силу бойцов Красной Армии, разгромившей своих многочисленных противников: немцев и Юденича, Деникина и Колчака, Врангеля и прочих врагов молодой республики:

Дрянь адмиральская —
пан
и барон
шли
от шестнадцати
разных сторон.
...Билась
советская
наша страна,
дни
грохотали
разрывом гранат.
Не для разбоя
битва зовет,
мы
защищаем
поля
и завод.
..Красная крепла
в громе побед.
С вами
сливалось,
победу растя,
сердце
рабочих,
сердце
крестьян.

Своими меткими, отточенными агит-стихами Маяковский дал «протокольную запись труднейшего трехлетия революционной борьбы» (как он сам говорил об этих стихах), и рядом с ними в гениальных поэмах «В. И. Ленин» и «Хорошо!» поэт запечатлел героику всей нашей советской эпохи, передал с необычайной проникновенностью высокое патриотическое чувство народа, его любовь к своей освобожденной от насильников родине. Эта любовь вырастала в трудные годы гражданской войны, трудности лишь закалили ее, определили новый характер советского патриотизма, того патриотизма, который помогал преодолевать любые препятствия, помогал итти на самые тяжелые жертвы во имя победы над врагом и счастья всего человечества:

Но землю,
которую
завоевал
и полуживую
выняньчил,
где с пулей встань,
с винтовкой ложись,
где каплей
льешься с массами,—
с такою
землею пойдешь
на жизнь,
на труд,
на праздник
и на смерть.

ВОЙНА С БЕЛОФИННАМИ

Замечательные качества советского народа — его отвага, беззаветная преданность родине, высокий боевой героизм — сказались во время войны с полчищами белофиннов, напавшими в 1939 г. на нашу советскую землю. Очерки, рассказы и стихи советских писателей ярко воссоздают перед нами волнующие, суровые картины этих напряженных, незабываемых дней. Особенно показателен в этом смысле очерк И. Молчанова «Энский краснознаменный» («Звезда», № 3, 1941), воспроизводящий подлинные рассказы бойцов о героическом походе.

Еще до начала военных действий среди красных бойцов росло раздражение в связи с беспрестанными провокациями со стороны шюцкоровских бандитов.

«— И чего это няньчиться с ними, с этими белофиннами? Ударить бы разок как следует, перестали бы задирать!»

Но тут же раздавались другие голоса:

«— Ударить! Ишь ты молодец какой! Мы за мир, а не за войну.

— Но ведь они вызывают!

— Мало ли что вызывают! Надо сначала все мирные дорожки до конца пройти».

Красная Армия всегда предпочитала «мирные дорожки» кровопролитной бойне. Но если враг напал, — нужно биться до конца.

«Сердце горит, товарищ командир! За кровь наших товарищей враг должен ответить своей кровью», — выкрикнул кто-то из «угрюмовского батальона», и враг ответил своей кровью. Оружие Красной Армии сломило коварные замыслы белофиннов. Нелегким был путь наших доблестных воинов: по лесам и сугробам Финляндии на каждом шагу их встречали опасные препятствия. Но бойцы справлялись с ними.

Очерк Молчанова показывает все трудности, выпавшие на долю нашего батальона, занявшего сплошь минированный фин-

ский город. Здесь все таило опасность, ни к одному предмету нельзя было прикоснуться.

«...Встречались такие участки, что некуда было ступить: мина на мине. Мы еще не знали, как обезвредить эти дьявольские штучки, от одного прикосновения к которым человек взлетал на воздух». Приходилось проявлять крайнюю осторожность, „не трогать ни одной вещицы"». А потом были найдены средства борьбы с минами.

Каждое боевое задание встречалось красноармейцами с энтузиазмом. Выполнить успешно приказ командира — большей чести для себя не знали рядовые бойцы. Вот батальон капитана Угрюмова окружен в лесу большими соединениями врага. Нужно найти смельчака, который добровольно взялся бы срочно доставить донесение в штаб полка. «Есть ли желающие... выполнить эту задачу?» — спрашивает Угрюмов.

И сразу раздались десятки голосов: «я, я, я!»

«Мы в окружении», — предупреждает Угрюмов. — «Задача сложная, товарищи. Надо будет к тому же протянуть на обратном пути линию связи».

И опять десятки голосов: «я, я, я!»

Были отобраны десять человек. Все они образцово выполнили задание, благополучно минуя вражеское окружение.

Читая очерк Молчанова, мы видим, как приходилось драться силами одного батальона против огромного скопища врагов:

«Жаркий, свирепый бой! Атака следовала за атакой. Лес наполнился повизгиванием пуль, жужжанием мин, оглушительными взрывами и грохотом падающих деревьев».

И вот результат: «Когда совсем рассвело, с боем заняли деревушку Синиля и потом... восемь дней... шли вперед, без передышки. Враг не выдерживал нашего натиска, отходил».

Слава о подвигах Угрюмова разнеслась по всему фронту. И недаром пленный шюцкоровец подтвердил: «Нам... говорили, что Угрюмов — чорт! Наше начальство его боится».

Большую роль в сражениях играла инициатива отдельных бойцов, их готовность итти на любые подвиги. Так, однажды разнесся слух, что «невозможно перерезать проволоку — невозможно, да и только».

Младший комвзвода, Комендант, не согласился с этим.

«Тут сердце мое возмутилось вконец. Как же это так невозможно? Что за поганое слово „невозможно": идет война, а не игра, тут не может быть такого слова».

И Комендант берется перерезать проволоку.

«— А ручаетесь, что не убьют? — поглядел на меня в упор Березин.

— Чувствую, не убьют. И дело сделаю, — ответил я».

Комендант вместе с красноармейцем Жиловым подкрался

к самому гнезду врагов. Спрятались в снегу от их глаз, подползли к проволоке.

«Шилов шепчет мне:

— Умрем, но сделаем дело, товарищ командир.

— Браток, — отвечаю ему, — зачем умирать. Жизнь прекрасна! Дело сделаем и живы будем».

И советские патриоты доказали на деле не только свою готовность героически умереть, но и свое умение, совершив нужное дело, остаться в живых, сохранив силы для новых подвигов на благо свободной родины.

Нельзя без волнения читать о том, как уже замеченный врагами Комендант взмахнул рукой, словно бросая гранаты, и обратил белофиннов в бегство, одновременно открыв стрельбу из пистолета, как на обратном пути он схватил тело убитого лейтенанта и понес его в руках, чтоб не оставлять «на поругание врагам».

«Подхватил, потащил. Ползу и убитого тащу. Метрах в пятидесяти от проволоки провалился в канаву и тут отдышался. Только в канаве почувствовал, что я весь мокрый от проступившего пота. Дали сразу знать о себе и ожоги на спине и разорванная колючками кожа на руках».

Рассказывает Молчанов устами героев войны и о том, как сбивали «кукушек» с деревьев меткие стрелки, и о том, как блокировали доты. Нелегко было заставлять их молчать, засыпая амбразуры гранатами.

Многие бойцы и командиры пали в бою. Но вот смолкли «и пулеметы и автоматы врага. Высота в наших руках!».

Ту же героическую напряженность боевых будней войны с белофиннами отражает и творчество советских поэтов. А. Прокофьев, А. Твардовский, А. Безыменский и другие шли на фронт, создавая свои боевые песни и походные частушки, врезавшиеся в память бойцов, воодушевлявшие их на новые победы:

Белофинн в лесах таится,
Его доля нелегка.
Эх, боится, эх, боится,
Белый красного штыка, —

пели красноармейцы частушку на слова А. Прокофьева, или вот еще:

Чтоб победа стала ближе,
Звеньями, отрядами
Настигай врага на лыжах,
Бей его, проклятого!

И били проклятого врага и брали один дот за другим, прорывая знаменитую «линию Маннергейма», возведенную немецкими генералами. Об этом хорошо рассказал Н. Тихонов в своей «Песне саперов»:

Дрожат леса и горы,
Врага берет тоска,
Когда идут саперы,
Советские саперы —
Победные войска.
...Горят их волчьи норы,
Взлетают по кускам,
Когда идут саперы,
Советские саперы —
Геройские войска!

А об отваге идущих в разведку бойцов-гранатометчиков выразительно рассказано в «Песне разведчиков» Н. Щербакова:

Пурга завывает
И хлещет в лицо,
С дороги сбивает,
Морозит бойцов.
Но крепкое тело
Мороз не берет,
Разведчики смело
Стремятся вперед.

Белофинны изобретательны, они всячески стремятся укрыться от зорких глаз нашего разведчика:

В гранитные латы
Одета тайга.
Под белым халатом
Не видно врага.
Коварства и злобы
Бандиты полны,
Их прячут сугробы,
Таят валуны.
Но лес и халаты
Врагов не спасут —
Их наши гранаты
И пули найдут.
А в этом, мы знаем,
Достоинство есть:
Разведчика званье —
Великая честь.

Не только на суше, но и в просторах Балтики дрались, как львы, советские люди. Это им посвящена «Песня балтийцев» Лебедева-Кумача:

Эх, не страшен
нам ни холод, ни пурга!
Днем и ночью
мы умеем бить врага,—
Чтоб не смела
окаянная нога
Ступить на наши берега!

И морские разведчики не уступают сухопутным в меткости своих ударов, в своих прекрасных боевых качествах:

...пусть фарватер здесь пристрелен,
А враг укрыт в своей норе,
По вспышкам штурман выбрал пеленг,
И ясно место батарей,—

писал в своих стихах курсант А. Лебедев.

Презренные шюцкоровцы мечтали о «великой Финляндии» до Урала, о захвате Ленинграда. Не суждено было осуществиться этим бредовым мечтам, сбылось предсказание советского поэта:

Вы не пяльте
ваших глаз на Ленинград.
Без оглядки
полетите вы назад,
Только пятки
по заливу заблестят,
Когда на вас пойдет Кронштадт!

(Лебедев-Кумач)

Наряду с показом массы бойцов некоторые стихотворения говорят об отдельных, наиболее отличившихся героях.

Среди них особенно запоминается стихотворение Ц. Солодаря — «Комбат Угрюмов», о широко популярном среди нашего народа командире сталинской эпохи:

Где идет Угрюмов — белофиннам круто!
Сталинским бойцам пути не преградить

А. Твардовский посвятил стихотворение «Военная честь» легендарно-знаменитому летчику Трусову, спасшему трех бойцов из вражеского окружения и вывезшего их из самой гущи сражения, из моря пулеметного огня на своем самолете:

Тут дерзости мало одной удивляться,
Хоть это и редкий пример.
Тут самое трудное было — подняться,
Но Трусов и это сумел.

В результате неслыханного поступка

Друзья спасены, а врагу —
Осталось на озере только огнище
Да след самолета на белом снегу.

Только советский летчик, воин страны, где основой основ является сталинская забота о человеке, мог совершить такой подвиг:

У летчиков наших такая порука,
Такое заветное правило есть:
Врага уничтожить — большая заслуга,
Но друга спасти — это высшая честь.

В ряде стихотворений даются портреты отдельных рядовых бойцов, беззаветных героев, достойных своих орлов-командиров. Вот, например, «шофер Артюх» Твардовского. Это — самый простой советский парень, до войны никакими особыми качествами не отличавшийся:

Жил, служил шофером,
За рулем был строг.
В пору, к разговору
Даже выпить мог,

и когда «женщина одна» перед его отправлением на фронт предсказала ему орден, он

Отвечал — не гордый,
«Буду жив — вернусь.
А сказать про орден,
Я и не гонюсь...»

Но вот Артюх, в составе воинской части, подошел к Тайпалеен-йеки» — быстрой реке:

Позади колонна,
Сотни грузовых
И полупонтоны
Шапками на них.
...Все к тому приспело,
Вырвись, путь открой —
На такое дело
Нужен был герой.

И шофер Артюх становится героем:

Время дорогое,
Путь в огне, в дыму —
Где ж искать героя,
Надо самому...

И на белофиннов помчалась машина — не броневик, не танк, а «простой, серый грузовик». За рулем — один человек с винтовкой, и все они оцепенели...

И пока шюцкоры
Были в столбняке,
Наши понтонеры
Бросились к реке.
И кипит работа
Живо под огнем,
И садись пехота —
Вмиг перевезем!

И вот, Артюха орденоносца радостно встречает «та, что провожала». «Что ж не страшно было?» — спрашивает она.

«Страшно, только нужно», —
И об этом смолк...
«Служба — это служба,
Подвиг — это долг».

Понимание того, что «подвиг — это долг», заставляет самых простых, иногда незаметных в мирной обстановке людей совершать смелые боевые дела. Таков, например,

Борис Иоффе, коммунист,
Простой советский воин.

По своей основной профессии продавец универмага, он в бою, будучи рядовым связистом, заменил комвзвода. (А. Твардовский. «Борис Иоффе».)

Или полковой парикмахер Ульянов, сменивший ножницы и бритву на гранаты и показавший свое умение бить шюцкоров:

Заодно уже с прибором
Он и головы им снял,
Двух других затем на славу
Выбрил наголо в момент,
Только взвился дым кудрявый,
Как завивка «перманент».

А молодая девушка-врач из стихотворения Твардовского «Письмо». Разве она не достойный участник славных боев:

«Я в пути возмужала,
Был нелегок он, путь.
Стала крепче, пожалуй,
И постарше чуть-чуть...
...Я вздыхать избегаю,
Это можно потом,
Я ведь врач, дорогая,
И военный притом»,—

пишет она своей матери. И многие такие же, на первый взгляд обыкновенные скромные, люди героически выполняли свой долг перед родиной.

Воюя с белофиннами, мы никогда не забывали о том, что трудовой финский народ вовлечен в эту преступную войну насильственным и обманным путем, что он не ответственен за преступления продажной клики Маннергеймов — Рюти. Наша армия не могла питать ненависти к финскому народу: ведь, наш патриотизм неразывно связан с интернационализмом, с защитой интересов всего трудящегося человечества.

В. Заккау-Невский в стихотворении «Возвращение» рассказал о переживаних финского коммуниста, старого красногвардейца, бежавшего в 1918 г. от маннергеймовских палачей и с Красной Армией вернувшегося в «родную Суоми» (Финляндия — по-фински). Как встретила его любимая им когда-то родина?

«Где вы, первые люди на нашей земле —
Ни души!
Только груда обуглевших бревен лежит
И зазябшие куры
Копаются в теплой золе...
Значит, вот она, родина!
Пеплом усыпанный снег.
И гадючими гнездами
Мины на каждом шагу...»

И финский коммунист, верный сын своего класса, чувствует в себе готовность разрушать до конца все «гадючьи гнезда», все «ямы волчьи» маннергеймовской Финляндии, с тем что б под смертной стужей, под «броней ледяной» найти «затаенное сердце» родного народа, несогласного с преступными действиями его кровожадных правителей.

Война с белофиннами, стоившая советскому народу немало жертв, не мало крови, не прошла даром: в упорных боях с агентами иноземного империализма наша доблестная Красная Ар-

мия уничтожила считавшуюся неприступной «Линию Маннергейма» и получила необходимый опыт и закалку, которые теперь помогают ей вести священную отечественную войну против врага более сильного и грозного, против хищнических орд гитлеровского фашизма.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА СОВЕТСКОГО НАРОДА ПРОТИВ ФАШИЗМА

Вероломное военное нападение гитлеровской Германии на нашу родину, начатое 22 июня, — продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражения, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы... Над нашей Родиной нависла серьезная опасность», — сказал товарищ Сталин, выступая по радио 3 июля 1941 г.

Героическая Красная Армия и Военно-Морской Флот мужественно и упорно отстаивают каждую пядь Советской земли. Весь советский народ, как один человек, поднялся на защиту Родины.

Об этой боевой готовности всего народа поет акын Казахстана Джамбул:

За родину Сталин ведет на врага,
Родина светлая всем дорога,
Кровью батыров добыта она,
Дружбой народов она скреплена —
Непобедимая наша страна.

В юрте спокойно останусь ли я,
Грудью за землю не встану ли я,
Звонких стремян не достану ли я,
Вместе с народом устану ли я,
Петь свои песни в труде и в боях?
Эй, сыновья, оседлайте коня!
Вместе со Сталиным — песня моя!
Мир молодой нашей радостью стал,
Солнцем народов из бездны он встал,
Ночью на нас через старый дувал
Черный шакал ненавистный напал.

В песне народ неспроста говорит:
«Зверь перед смертью от страха дрожит
И на открытое место бежит».
Место закрыто. Наши штыки
Выбьют фашистам шакальи клыки,
Эй, сыновья, седлайте коня!
Вместе со Сталиным — песня моя!

Мих. Шолохов в очерке «На Дону» рассказывает о всеобщем патриотическом подъеме в донских станицах. Среди колосящихся колхозных полей встретился ему седоусый, бывалый казак: «„Прослыхал я в воскресенье про речь товарища Молотова, и все во мне повернулось. Ночью никак не могу уснуть, все думаю: в прошлом году черепашки нас одолевали, сейчас Гитлер приступает, все какое-то народу неудовольствие. И опять же думаю: что это есть за Гитлер, за такая вредная насекомая, что он на всех насыкается и всем покою не дает? А потом вспомнил за германскую войну, а мне довелось на ней до конца послужить, вспомнил про то, как немцев рубил... Восьмерых вот этой рукой пришлось уложить, и все в атаках". Казак смущенно улыбается, вполголоса говорит: „Теперь об этом можно вслух сказать, раньше-то всё стеснялся... Двух георгиев и три медали заслужил. Не зря же мне их вешали? То-то и оно! И вот лежу ночью, об прошлой войне вспоминаю, и пришло на ум — когда-то давно в газетке читал, что Гитлер будто тоже на войне германской был, и такая горькая досада меня за сердце взяла, что я ажник привстал на кровати и вслух говорю: Что же он мне тогда из этих восьмерых под руку не попался?! Раз махнуть и свернулся бы на двое! А жена спросонок спрашивает: «Ты об ком это горюешь?» Об Гитлере, — говорю ей, — будь он трижды проклят! Спи, Настасья, не твоего это ума дело".

«Казак тушит в пальцах окурок и, уже садясь в седло, роняет:

— Ну, да он вражина, своего дождется!

«И, помолчав, натягивая поводья, строго обращается ко мне: — Доведется тебе, Александрыч, быть в Москве, — передай через близких людей товарищу Сталину, что донские казаки всех возрастов к службе готовы. Ну, прощайте. Поспешаю на травокосный участок гражданкам-бабам подсоблять!»

Наши советские женщины заменяют мужей и братьев в тылу, идут санитарками-дружинницами на фронт. Русские женщины всегда вместе с мужчинами вставали на защиту своей земли. Во времена наполеоновского нашествия они помогали гнать врагов. В годы героической обороны Севастополя они самоотверженно ухаживали за солдатами, носили им пищу, перевя-

зывали раны. Тысячи женщин показали себя настоящими патриотками во время боев с белофиннами. В нынешней отечественной войне жены бойцов и командиров Красной Армии доказывают, что они являются достойными боевыми подругами своих мужей.

Работница московского тормозного завода Кутузова напутствовала мужа и братьев, уходящих на фронт:

«Прощайте, товарищи, вас провожая,
Не будем мы плакать, рыдать.
Идите, родные, любимые братья,
Страну от врага защищать».

Остающиеся на колхозных полях, у станков, в научных лабораториях — так же, как и на фронте, должны самоотверженно служить великому делу защиты родины.

Ведь «дело идет, таким образом, о жизни и смерти Советского Государства, о жизни и смерти народов СССР, о том — быть народам Советского Союза свободными, или впасть в порабощение. Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть безработными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу».

С этими словами в грозные дни обратился ко всем нашим народам товарищ Сталин и напомнил о завете В. И. Ленина: «Великий Ленин, создавший наше государство, говорил, что основным качеством советских людей должно быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей родины. Необходимо, чтобы это великолепное качество большевика стало достоянием миллионов и миллионов Красной Армии, нашего Красного Флота и всех народов Советского Союза».[1]

О мужестве и о храбрости наших бойцов на всех языках нашего Союза поются новые песни. Такова «Песня смелых» Алексея Суркова:

Стелются черные тучи,
Молнии в небе снуют
В облаке пыли летучей
Трубы тревогу поют.
С бандой фашистов сразиться
Сталин отважных зовет.
Смелого — пуля боится.
Смелого — штык не берет.

---

[1] Выступление по радио председателя Государственного Комитета Обороны И. В. Сталина — «Правда» от 3 июля 1941 г.

Рванулись ввысь самолеты,
Двинулся танковый строй,
С песней стрелковые роты
Вышли за родину в бой.
Песня — крылатая птица
Смелых скликает в поход.
Смелого — пуля боится,
Смелого — штык не берет.

Славой бессмертной покроем
В битвах свои имена.
Только отважным героям
Радость победы дана.
Смелый к победе стремится,
Смелым — дорога вперед.
Смелого — пуля боится,
Смелого — штык не берет.

Смелый дерется с врагами,
Жизни своей не щадя,
Смелый проносит, как знамя,
Светлое имя вождя.
Смелыми Сталин гордится,
Смелого любит народ.
Смелого — пуля боится
Смелого — штык не берет.

Мы знаем, что перед нами — сильный враг, что нельзя рассчитывать на легкую победу, что победа над фашизмом будет одержана в трудной борьбе, которая потребует от нас немало жертв. Но никакие опасности, никакие трудности, никакие испытания нас не страшат. Мы знаем, что из этой отечественной войны мы выйдем победителями. Потому что могуч и победоносен советский народ, сплоченный вокруг партии Ленина—Сталина, несокрушим его боевой дух, беспредельны героизм и мужество. Потому что могущественна наша страна. Потому что мы воюем за правое дело и на нашей стороне симпатии и любовь всего трудового человечества.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
От Редакции	5
Киевская Русь в борьбе с кочевниками	7
Александр Невский и Ледовое побоище	10
Грюнвальдская битва	12
Полтавский бой	16
Семилетняя война	23
Походы Суворова	27
Отечественная война	31
Крымская война 1854—1855 гг. и оборона Севастополя	46
Первая мировая война	51
Гражданская война	57
Война с белофиннами	66
Великая отечественная война советского народа против фашизма	75

Редактор *Л. А. Плоткин.* Подписано к печати 20/VIII 1941 г. М 74562.
Объем 5 печ. л.: уч.-авт. л. 4.43. Цена книги 1 р. 50 к.

Типография № 1 им. Володарского. Управление издательств и полиграфии Исполкома Ленгорсовета.

ЦЕНА 1р. 50 коп.

34538

Ак Р
6167